1007401
902.7(с18)
С-34
Вып. II (VI)

1926

902.7(с18
С34

К 75-ЛЕТИЮ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧ. ОБЩЕСТВА

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

1002401

Иркутская
областная библиотека

1926

НЧЗ N3
С 34

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУД. РУССКОГО ГЕОГРАФИЧ. ОБЩЕСТВА

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

Год издания IV

Вып. II (VI)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова

ИРКУТСК
1926.

[572.9 : 39] (062) (57)

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА.

Этнографический сборник, вып. II (VI), изд. Вост.-Сиб. Отд. Госуд. Русск. Геогр. Об-ва, под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. Иркутск, 1926, in 8°; стр. 1—230.

[*Содержание.* I. К 75-летию Вост. Сиб. Отдела: **П. К. Казаринов.** Три четверти века; **М. Азадовский.** Пути этнографических изучений ВСОРГО; **В. Л. Петрова-Смагина.** Этнография в трудах Вост.-Сиб. Отдела. Библиографический указатель. II. Труды членов Этнологич. Секции: **Г. Виноградов.** Детские тайные языки; **П. Ф. Требуховский.** Детский рисунок туземных народов Сибири; **М. В. Бородкина.** Рыбацкий быт в Прибайкалье; **Н. Удимова.** К изучению одежды русских тункинцев; **П. П. Хороших.** Материалы по орнаменту Ольхонских бурят. III. Из архива: **Н. П. Протасов.** Песни Забайкальских старообрядцев].

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

40387-49

НЧЗ № 3

9939

Ц. С. Р.

61101

1959 г.

1960 г.

Окрлит, 1456

1951

Заказ 8492 Иркутск, тип. изд. «Власть Труда» Тираж 550

I.

К 75-летнему юбилею

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1851—1926

КНИГА ИМЕЕТ: б/образец

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1949 г.
6	1	62.				3	466/281	

П. К. Казаринов.

Три четверти века.

(К юбилею Восточно-Сибирского Отдела Госуд. Русского Географического О-ва).

Рочдельские ткачи создали кооперацию и весь исторический смысл их творчества был в том, что они первые дали толчек к дальнейшему развитию и росту кооперативной работы, *как общественного движения.* В дальнейшем это последнее то покрывалось пеплом и тлело под глухим гнетом исторического безвременья, то этот пепел сдувался и огонь кооперативной работы разгорался ярким пламенем.

То же самое необходимо сказать и о краеведческой работе в ее прошлом и настоящем.

Обратимся к историческим справкам.

В 18-м веке (в 1782 году) в старом Иркутске было воздвигнуто обширное каменное здание, которое называлось „книгохранительница“ или „матерью отечества дарованных книг хранилище, сооруженное попечением начальства и иждивением граждан“. Эта была—первая в Сибири библиотека и „музеум“, первые на всей территории от Урала до Великого Океана. Построено было это здание и созданы в нем культурные очаги с той целью „дабы у потомков была вечно и в подобострастном почтении память тех предков, кои подумали пещись о просвещении их и участвовали своим иждивением и сооружению“

Все было сделано для того, чтобы библиотека и музеум [1] стали развиваться. К 1783 году количество книг равнялось 1304 томам, в музее имелось „математические, физические и земледельческие орудия“, „отменного искусства телескоп“, „новейшего изобретения электрическая машина“, „орудие приготовления целительных искусственных вод“, „модели судов,“ „разных пород земли, камни, горючести и металлические руды“, чучела животных... [2].

Над созданием музея трудился Эрик Лаксман—ординарный академик „по экономии и химии“, в числе жертвователей был Самойло Бентам—английский путешественник. Исключительную заботу о книгохранилище проявлял просвещенный администратор Кличка.

Но Кличка через год покинул Иркутск, вскоре уехал и Лаксман, который в 1796 г. умер. Книги библиотеки порастерялись, порвались, были растащены, а в музее чучела попортились и гербарии погнили. В доме „книгохранительницы“ поместилось губернское правление, приказ общественного призрения и др.

Не привилась и другая „городская библиотека“, основанная в 1835 г., т. к. публика ею „мало интересовалась“.

Музей с его „естественными произведениями“ и „инструментами“ был похож на растение, воткнутое корнями в сухую почву: без влаги оно засохло. И лишь та часть остатков „книгохранительницы“, которая была передана в ведение главного народного училища, попала в заботливые руки, превратившись в школьную библиотеку и школьный музей. Сюда же

---

[1] В то время название «Музей» еще не было в употреблении и все учреждение в целом называлось «книгохранительницею».

[2] См. „Первая публ. б-ка и музей в Сибири“. Сообщ. В. П. Сукачева Сиб. Вопр., 1906, прил. к № 2

поступило и наследство Лаксмана—его „знатный кабинет“, состоящий из 300 штуфов и 860 раковин [1].

Семена, посеянные Лаксманом, стали расти и давать всходы в Иркутской школе.

Посетивший Иркутск Алексей Мартос писал в 1827 году: „гражданское образование сибиряков постепенно, но шагами твердыми, идет к совершенству. Они уже очень далеки от тех диких праотцев своих, основателей Иркутского острога, кои любили не знать ничего, кроме войны, и чуждались искусств благодетельных. Иркутские питомцы, участвуя в знаниях своего века, своего общества, подают сладостную надежду отечеству получить в них просвещенных, следовательно, и полезных граждан“[2].

Невелика была Иркутская гимназия (в 1823 г. в ней училось всего 52 ученика и кончили курс 3) и невелико было количество учащихся во всей тогдашней губернии (всего училось в губернии 828 чел.) и „сладостной надежде“ еще нельзя было предаваться, но все-таки семена зрели.

В конце 40-х годов в Иркутске появляется новая попытка создания музея, связанного с краем, при чем учреждение его исходит не от местных сил, а „по предложению министра внутренних дел“. Музей „естественных предметов“ возникает при Главном Управлении В.-Сибири и распорядителем его становится местный педагог Седаков, деятельно начавший собирание коллекций. Развитие этого музея вскоре же остановилось, так как на горизонте Восточно-Сибирской общественности того времени появился новый краеведческий очаг, увлекший к себе все немногочисленные местные активные силы и развер-

---

[1] В начале 20-х годов в Иркутской гимназии были: 1) минеральный кабинет, 2) раковинный кабинет, 3) библиотека, имевшая более 1000 книг и собрание книг на китайском, монгольском, маньчжурском, японском и татарском яз., 4) собрание ландкарт, планов, эстампов, математических и физических инструментов, моделей, редкостей с островов восточного Океана.

[2] Мартос, А. Письма о Восточной Сибири „М. 1827, стр. 176“.

нувший собственную собирательскую и исследовательскую работу, которая и стала быстро крепнуть и развиваться.

Это было 17 (29) ноября 1851 года, когда десять человек членов Русского Географического Общества, живших в Иркутске, образовали Сибирский Отдел этого О-ва.

Само по себе маленькое событие это могло бы также заглохнуть, исчезнуть или быть кратковременным, как и многие другие попытки искусственных насаждений культуры в крае, который, по выражению Сперанского, был прекрасным местом для ссыльных, выгодным для некоторых частей торговли, любопытным и богатым для минералогии, но не местом для жизни и высшего гражданского образования". В данном случае произошло другое. Маленькая группа стала быстро разростаться и нашла отклик своей работы в разных углах и захолустьях обширного края.

С тех пор прошло 75 лет. Общество, поставившее с первых дней своего существования краеведческие цели и построенное на принципе добровольности и безвозмездности труда, прошло этот длинный путь и оказалось не только жизнеспособным само, но ответвило от себя ряд других краеведческих организаций. С этой точки зрения Сибирский (ныне В.-Сибирский) Отдел РГО может быть назван родоначальником сибирского краеведения.

При этом нельзя забывать ту историческую обстановку, в которой протекало прошлое Отдела. Он был основан за четыре десятка лет до проведения Сибирской железной дороги и был естественно отрезан от культурных центров тысячами верст. О высших учебных заведениях не было и речи и только почти через 40 лет возник первый сибирский ВУЗ— Томский Университет. Не родилась еще и сибирская пресса: первые органы оффициально-казенной прессы

„Губернские Ведомости“ появились 1857 г., а первая [1] общественная и недолго прожившая газета „Амур“ (в Иркутске)—с 1860 г. и лишь с выходом газ. „Сибирь“ под редакцией Вагина с 1875 г. начинается период, когда наш край получил общественную еженедельную газету.

Не было никакого рассадника научных и краеведческих знаний и лишь в стенах Иркутской гимназии слабо зеленели „озими“ краеведчества, брошенные рукой Лаксмана, но какое значение могла иметь Иркутская гимназия, даже вместе с остальными тремя тогдашними сибирскими гимназиями, выпускавшими в год до десятка окончивших их учеников на 4-х миллионное население и на территории в 250000 кв. миль!. Кроме того, и образовательное значение этих гимназий при отсутствии педагогических и культурных сил было ничтожно. Не было театра, не было даже книжной лавки. Случайные книги завозились также случайно и продавались „вместе с сапогами и дегтем“.

Всколыхнувшие край реформы 20-х годов (Сперанского) уже забылись и. по выражению одного современника рассматриваемого периода, „все пошло по старому“. Административная плесень обильно разрослась под началом Руперта, Пятницкого и т. п. Муравьевское администрирование только еще начиналось и оно могло выражаться лишь в форме содействия Отделу.

Узко-практический и эгоистически-деловой характер иркутского общества был предметом гневного осуждения даже значительно позже—в 70-ые годы—со стороны А. П. Щапова. Описание Иркутска 40-х годов, прекрасно сделанное В. И. Вагиным [2], общеизвестно и нужно представить себе бытовую обста-

---

[1] Я не упоминаю о „Кяхтинском Листке“, не имевшем большого распространения.

[2] Вагин. Сороковые годы в Иркутске. Лит. Сб. 1885 г.

новку тех лет, чтобы осознать—каковы были внешние условия для научной и образовательной работы.

„Всем нужен хлеб, да звонкая монета,
Так *любознание* кому на ум пойдет".

В таких словах доморощенного поэта-сибиряка 20-х годов прошлого века [1] были выразительно изображены эти условия, характеризовавшие Сибирь и в частности – Иркутск. Положение лица, желающего заниматься научной или литературной работой в Сибири, было невыносимо не только к концу 40-х годов, но и позже.

„Среди невежественной среды, полной грубых недостатков, он являлся одиноким, не имел почвы, не было даже небольшого кружка людей, к которым он мог бы примкнуть. Он не находил себе поддержки и сочувствия; *ученые в Иркутском Географическом Отделе называют себя „закинутыми" в этот печальный край.* Люди с слабыми силами сплошь и рядом погибали здесь и падали нравственно (так погибла здесь, например, масса медиков и учителей)...

Отдел Иркутского Географического Общества заявил даже своею целью поддерживать нравственные силы ученых, заезжающих в Сибирь" [2].

В такой обстановке, все же, оказалось, нашлись силы для краеведческой работы и, что самое главное, работа эта одухотворилась первичными признаками общественности и нашла своих энтузиастов, которые задолго до наших дней настойчиво внедряли в толщу сибирского населения посевы краеведческого движения.

Исторические факты нельзя, впрочем, объяснить так просто и вне исторической закономерности. Группе основателей Отдела не с неба свалилась

---

[1] Н. Александров. Воздушный тарантас или воспоминания о поездках по Восточной Сибири. Сборник ист.-статист. свед. о. Сибири, т. I, в, 1, 1875 г.

[2] Н. Ядринцев. „Сибирь, как колония", стр. 398.

„удача“, не выпавшая ранее на долю первых краеведов Иркутска и Сибири. Чем же объяснить то обстоятельство, что Отдел „привился“?

Этих объяснений целый ряд.

К концу первой половины XIX века социально-экономический и политический уклад жизни России характеризовался следующими признаками: рост промышленного капитализма, разложение крепостнического сельского хозяйства, затяжной аграрный кризис, борьба за восточные рынки сбыта (Персия и Турция) и наряду с этим искание собственных сырьевых фондов для покровительствуемой туземной промышленности. Еще от предшествовавшего века было поставлено на очередь разрешение вопроса о восточных берегах Азии и их значении для связи с Японским архипелагом. Торговые сношения с Японией имели особое значение для русско-американской компании и выдвигались ею в поле международной политики России.

XIX век открывается кругосветной экспедицией Крузенштерна (1803—1806), в задачи которой входило изучение берегов Японии, а для дипломатических переговоров России с японцами к экспедиции был прикомандирован зять Шелехова—Резанов, совершенно не выполнивший возложенных на него задач.

Эти попытки настойчиво продолжались эксп. Головина и др., завершились же в 1855 г. начальником кругосветной экспедиции адм. Путятиным заключением русско-японского торгового договора.

В первой половине века Сибирь и Дальний Восток являются полем деятельности изучения как русских научных учреждений (Академия Наук), так и заграничных ученых (Кастрен и др.).

Особенное значение для роста землеведческих изучений в Сибири имела экспедиция Миддендорфа,

имевшая мировое значение по своим научным результатам и повлиявшая на ход восточной политики русского правительства. Миддендорф подтвердил ранее высказывавшееся предположение о том, что обширный Амурский край ни фактически ни формально не входит в состав Китайской империи. Это надолго привило интерес к Приамурью и далее—к Приморью.

Развитие землеведческих изучений было унаследовано еще от XVIII века, названного веком „великих экспедиций академиков" (Георги, Гмелин, Паллас, Миллер, Фишер и др.), и пышно расцвело к 40-ым годам. XIX века. Это была пора всеобщего и длительного увлечения наукой землеведения и востоком. Проблемы востоковедения господствовали в Академии Наук и проникали в высшую школу.

В 1845 году возникает Русское Географическое Общество и с первых же лет своего существования задумывает снаряжение в Сибирь большой экспедиции. В то же время уже определенно сознавалось, что способ экспедиционного обследования, хотя бы и долголетнего, далеко не совершенен и не заменяет постоянных и планомерных изучений, которые должны вестись на местах. В то же время эти местные исследовательские очаги могли бы играть роль баз для экспедиций, направляемых из центра.

Эти соображения и были побудительными мотивами к открытию Кавказского и Сибирского отделов РГО. В то же время и в Иркутске, сыгравшем крупную роль местной базы для проходивших по Сибири экспедиций, началось местное движение по изучению края, которое и привело к „собранию десяти", происшедшему 17/29 ноября 1851 г.

Таковы были причины рождения Сибирского Отдела, но они еще не обуславливали его дальнейшей жизнеспособности. Отдел должен был развить в самом себе те качества, которые дали ему жизнеспособность и сохранили до наших дней.

Нужно сказать, что на Сибирский Отдел и на причины его возникновения в разные периоды его деятельности были различные взгляды отдельных лиц и различные к нему отношения. Мы считаем нужным привести здесь отзыв одного из путешественников по Сибири, связавшегося в 70-х г.г. прошлого века в своих работах с Отделом. Это — Ровинский. „Что касается общественных проявлений жизни, — писал он—то все это делается не коренным туземным обществом, а чиновниками, которые нынче здесь, а завтра там, которые в Иркутск попали случайно, предаются общественной деятельности от скуки и потребности фигурировать там, где, по пословице, на безлюдьи и Фома дворянин. Осуществлению их планов помогает только их влиятельное положение... Искусственно созданные, без сознания самого общества, учреждения поэтому беспрестанно падают; к таким принадлежат отдел Иркутского Географического Общества, Общество грамотности, юридическое, медицинское, несколько провалившихся иркутских газет и, наконец, местная публичная библиотека, на которую очень быстро была собрана сумма в 4353 рубля, но в конце она пришла к полному недостатку средств для своего поддержания“ [1].

Таким образом, взгляд Ровинского на Сибирский Отдел, на причины его возникновения, был весьма прост: он считал его созданным „от скуки“ теми „титулярными советниками“, о которых говорил еще Сперанский [2] и... сам принимал участие в работах Отдела и его изданиях.

Необоснованность этих замечаний Ровинского исторически очевидна. „Клуб скучающих“ не последовал судьбе учреждений, созданных „без сознания

[1] Цит. по Ядринцеву стр. 394.

[2] „В Сибирь едут одни титулярные советники, т. е. люди, которым за недостатком образования была закрыта другая дорога“ (слова Сперанского).

самого общества“ и развил в себе те элементы жизнеспособности, которых не заметил путешественник.

Сибирские администраторы (ген.-губернаторы), принимавшие на себя роль „покровителей Отдела“, так же, как и чиновники, не могли сделать Отдела всецело своим. „Были такие генерал-губернаторы, которые не прочь были помочь В.-С. Отделу, но особенного значения ему не придавали; были и такие которые тяготились Отделом, считая его неуместной затеей и самое большее—только терпели его“[1].

Отдел весьма рано стал вырабатывать и защищать свою автономность; группы „чиновничья“ и „военная“ являлись лишь его элементами и встречали оппозицию[2], которая росла под влиянием политической ссылки и общественно-политических движений (особенно к 1905 году).

Говоря о причинах возникновения и жизнеспособности Отдела, я позволю себе привести другой более глубокий отзыв, сделанный маститым сибирским краеведом, А. К. Кузнецовым. Вот его слова, сказанные в день 50-летия РГО и 45-летия Восточно-Сибирского Отдела.

„Беглый очерк деятельности Вост.-Сиб. Отдела служит лучшим доказательством того, что и в глухих местах, отдаленных от университетов и других центров умственной деятельности — ученое общество со скромными задачами может не только существовать, но и совершать громадную культурную работу, пользуясь уважением как среди всех слоев местного общества, так и среди ученых. Причина успеха и влияния Отдела заключается в том, что деятельность его никогда не замыкалась в одну программу географии в узком смысле этого слова, а постепенно

[1] Из письма Д. А. Клеменца к неизвестному лицу. Изв. ВСОРГО, т. LVI, 1916 г., стр. 171.

[2] Первичные формы этой оппозиции описаны В. И. Вагиным в его статье „Старое время Сибирского Географического Отдела“. Сиб. Сб. 1896, в. I, стр. 3 и сл.

расширяла свои задачи, идя в уровень с прогрессом науки и потребностями жизни. При этом двери этого храма науки, как и страницы его изданий, всегда были открыты не только для ученых специалистов, но и для скромных любителей из всех слоев общества, каково бы ни было их социальное положение; каждый из работников бескорыстно несет свой труд в общую сокровищницу знаний о Сибири“ [1].

В этих немногих словах А. К. Кузнецов сумел подметить и выразить целую группу признаков, характеризовавших В.-Сиб. Отдел в течение его многолетней работы. Я позволю себе развить и дополнить эти мысли и положения, воспользовавшись фактами из истории Отдела за более длительный период.

Прежде всего следует указать на *общественный и общедоступный характер работы Отдела.*

Настоящую статью мы начали с указания на ткачей, создавших кооперацию, как общественное движение и общественную работу. В Сибири 50-х и следующих лет, конечно, не могло быть и речи о каком-либо широком краеведческом движении, но возникновение и работа Сибирского Отдела РГО сама по себе была зачаточным выражением этого движения.

Стоит просмотреть отчеты и летописи Отдела хотя бы за 1-е десятилетие его деятельности, чтобы убедиться в том, что Иркутская группа (к концу 1-го года членов Отдела числилось 105) развернула широкую работу не только научно-исследовательского, но и организационного порядка и связалась с значительным числом жителей на местах. Отовсюду шлются материалы, плоды простейших наблюдений, запросы, предметы для музея... В первый же год поступило в редакционный портфель Отдела свыше

---

[1] А. К. Кузнецов. „Речь по случаю 50-тилетия РГО в торжеств. заседан. Читинск. Отделения Приамурского Отдела“. Записки Читинского Отдела, в. II, 1897, стр. 153.

40 рукописей, а отчет 11-го года работы называет число их в 250, кроме напечатанных в „Записках“ и отосланных в распоряжение Р. Г. О., а также возвращенных за непригодностью. Среди этих рукописей был значительный процент присланных с мест. С первого же года работы Отдела вокруг него образовалась сеть добровольцев метеорологов[1], производивших наблюдения в различных городах и селах и плоды их наблюдений не только собирались Отделом, но и появлялись на страницах его изданий. Для постановки исследовательских работ на местах Отдел с первого же года разрабатывает (первые работы были произведены Сельским, Штубендорфом и др.) и рассылает на места программы и опросные листы, напр.: „программу для описания округов“ и др. Эта деятельность не переставала развиваться и в дальнейшем—особенно во времена работы в Отделе Потанина и Клеменца, а также и в позднейшие пореволюционные годы.

За все время своего существования Отдел старается привлечь к своим работам наибольшее число участников. Во имя своей общедоступности он или понижал свои требования к вновь вступающим членам[2] или же пользовался институтом членов-сотрудников, куда вводили лиц, еще ничем не зарекомендовавших себя в области краеведческой работы. Этот последний порядок особенно привился и существует до сего дня.

---

[1] Иркутская Метеорологическая Обсерватория открыта была после неоднократных настояний и ходатайств Отдела лишь в 1887 г., а до этого наблюдения велись отдельными лицами в школах и при музее Отдела.

[2] Вагин по этому поводу писал: „он (Председатель Отдела Софьяно) старался привлекать в члены Отдела лиц из различных слоев общества. Это имело и свою невыгодную сторону: в члены Отдела стали иногда попадать люди, не имевшие никакого отношения к науке; одно время был даже совсем неграмотный член. Но за то Отдел приобрел популярность и влияние его на местное общество сделалось гораздо заметнее“. (Старое время Сибирск. Географ. Отдела, стр. 7).

Широко-общественный характер работы Отдела заключался не только в том, что он старался связаться с местными силами, влить их в себя и использовать, не только в общедоступности своего членства, но и в том еще, что он живо откликался на явления научной и общественной современности и на жгучие ее вопросы. Отдел принимает то или иное участие почти в каждой крупной экспедиции, направляющейся из центра в Восточную Сибирь, проводит всякие очередные наблюдения, не исключая и явлений мироведческого характера (напр. солнечные затмения), участвует в различных выставках (ориенталистов, археологическая в Казани, антропологическая, Всероссийская рыбопромышленная, Нижегородская, Приамурская, кустарно-промышленная, Всесоюзная сельско-хозяйственная, Вост.-Сибир. краеведческая и многие др.), сам проектирует и организует выставки (Сибирская научно-промышленная выставка, выставка по изобразительным искусствам туземцев Восточной Сибири, фотографическая выставка, ряд выставок картин сибирских художников и др.), разрабатывает и защищает проекты об устройстве хозяйственно-промышленных, научных и просветительных учреждений в крае (метеорологической обсерватории, химической лаборатории, о железнодорожном строительстве об Университете в Иркутске и др.), организует консультационные совещания по важнейшим вопросам текущей жизни (по жел.-дорожному строительству, по устройству Обь-Енисейского канала и пр.), принимает на себя труд по исследованиям или охране в тех областях работы, где еще не создано специальных учреждений (метеорологические наблюдения при музее до 1887 г., функции статистического комитета до 1854 г.), имеет свою архивную комиссию с 1904 года[1] и мн. др. На введение земства в Сибири

[1] „Иркутская Ученая Архивная Комиссия", как самостоятельное учреждение возникла в 1911 году. В годы революции возникли Архивные Бюро.

Отдел откликнулся созданием своей „земской комиссии“, сыгравшей значительную общественную роль и имевшей свои издания. На краеведческое движение революционных лет Отдел отозвался созывом 1-го Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда. Мы, конечно, не касаемся и не можем здесь перечислить тех съездов, конференций и совещаний, в которых Отдел принимал то или иное участие.

Равным образом Отдел всегда шел на зовы современности и в своих изданиях и публиковал свои исследования на эти темы — было ли это Кударинское землетрясение (1862 года) или административное районирование Восточной Сибири (1925 г.).

Рассматриваемый характер деятельности Отдела привлек в его среду силы политической ссылки Восточной Сибири. Это благотворно отразившееся на Отделе участие политических ссыльных начинается с ранних лет его жизни. У нас нет сведений—работали-ли в Отделе престарелые декабристы, жившие в Иркутске до амнистии 1856 года, но мы знаем, что в библиотеку Отдела были пожертвованы книги С. И. Трубецкого и С. Г. Волконского (через сына последнего — М. С. Волконского, состоявшего членом Отдела). Среди членов Отдела находился сын декабриста врач В. И. Якушкин.

Принимал участие в Отделе М. В. Петрашевский в свой Иркутский период, хотя формально и не состоял членом его[1].

Заметное влияние политической ссылки начинается с 60-х годов. Первой крупной фигурой этого ряда является высланный на свою родину историк А. П. Щапов. В эти же годы к работам Отдела присоединяется ряд ссыльных за польское восстание; некоторые из них благодаря работе в Отделе сделались выдающимися научными исследователями. Достаточно

[1] Об этом упоминает М. И. Венюков в своих „Воспоминаниях“ (Амстердам, 1895 г.).

назвать имена зоологов Б. И. Дыбовского и В. Годлевского, геологов А. Л. Чекановского и И. Д. Черского, археолога Н. И. Витковского. В 80-х годах в Отделе работают Д. А. Клеменц (по отбытии ссылки) и Н. М. Астырев. Особенно близкое участие в Отделе приняли политические ссыльные в 90-ые годы, когда Д. А. Клеменцем были организованы работы Якутской экспедиции Отдела (т. н. Сибиряковской), в которую вошли Н. А. Виташевский, Н. Л. Геккер, И. И. Майнов, Ф. Я. Кон, Л. Г. Левенталь, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, С. Ф. Ковалик и др.

Кроме них к работам Отдела примкнули в этом же периоде А. К. Кузнецов, И. И. Попов и В. Л. Серошевский. Некоторые из этих лиц продолжали работать в Отделе и в 900-ые годы: Майнов, Кон, Попов, Овчинников и др.

В этом списке мы назвали лишь имена исследователей, принявших на себя активную работу по Отделу и не включили ряда имен, участвовавших в Отделе без принятия на себя особых исследовательских заданий (среди них были—Л. Б. Красин, А. А. Криль, В. А. Вознесенский и др.) или же принимавших участие только в изданиях Отдела.

Наряду с участием политических ссыльных большое значение имела работа выдающихся общественных деятелей и революционеров, как например, П. А. Крапоткина, совершившего от имени Отдела несколько экспедиций и участвовавшего в его текущих работах и изданиях.

Далее следует отметить, что Отдел *имел значение, как школа краеведения, подготовлявшая исследователей и устанавливавшая их преемство.* Эта функция Отдела создалась фактически в процессе работ и не была облечена в какую-либо особую

Иркутская
областная библиотека

10740

форму. Из обильного материала, годного для иллюстрации, укажем лишь некоторые случаи.

Известный зоолог И. С. Поляков, происходивший из бедной казацкой семьи и получивший низшее образование, впервые приобщается к научной работе в среде Отдела. Первоначально он участвовал в Олекминско-Витимской экспедиции под руководством П. Крапоткина, далее его подготовкой занимался правитель дел Отдела Загоскин и после этого Поляков, уже зарекомендовавший себя научными исследованиями, поступает в Университет, получает степень магистра зоологии, работает в Академии Наук и возвращается к изучениям Сибири в своих многочисленных путешествиях.

Археолог Н. И. Витковский вырос, как научный деятель, исключительно в среде Отдела. Появившись ссыльным в Иркутской губернии, он начал добывать себе средства существования трудом чернорабочего и в то же время занимался самообразованием. В работах Отдела он участвовал первоначально, как ботаник и позже, как археолог. Эти последние занятия дали Витковскому возможность превратиться в крупного специалиста, а его исследования в долине Ангары дали ему почетную известность не только среди русских, но и среди заграничных археологов-ученых.

И. Д. Черский—выдающийся геолог начал свои занятия, как самоучка, под руководством Дыбовского и Чекановского. В результате ряда лет упорного исследовательского труда он дал науке исключительной ценности достижения по геологии Байкала.

Примеры эти могут разростись в чречвычайно длинный список. Отдел имел в своей среде работников с изумительной силой влияния и организационного таланта. Таковыми были, напр., его правители дел И. В. Сельский, А. Ф. Усольцев, М. В. Загоскин, Н. Н. Агапитов, М. Я. Писарев, Г. Н. По-

танин, Д. А. Клеменц, Я. П. Прейн, В. А. Обручев, Н. Н. Козьмин и др.

Равным образом организующее влияние на начинающих исследователей имел музей Отдела, возглавляемый „консерваторами", среди которых были И. Д. Черский, Н. И. Витковский, И. И. Попов, Н. П. Левин, Д. П. Першин, И. Н. Соколов, А. М. Станиловский и др.

Сюда же следует отнести деятельность некоторых Председателей Отдела, его отделений (среди них был Н. М. Ядринцев) и секций.

Стоит изучить в общих чертах (учесть полностью невозможно) организационную и исследовательско-воспитательную роль хотя бы одного Д. А. Клеменца, чтобы представить себе значение этого воздействия, которое постоянно укрепляло роль и значение Отдела.

В 1894 г. Д. А. писал И. М. Сибирякову: „Может быть Вы спросите, почему я оставляю Иркутск, Отдел и газету. Ответ один—я устал. *Все время мое принадлежало Отделу и другим.* Теперь думаю поработать для себя и покончить со своими работами [1] ".

Как правитель дел, Д. А. был организатор, педагог, вдохновитель и в то-же время авторитетный и глубокий исследователь. Он организовал работы уже упоминавшейся Якутской экспедиции Отдела, снаряженной на средства Сибирякова, и привлек к работе целую группу политических ссыльных „способных и добросовестных, но молодых [2] ". Эти „способные" впоследствии вошли в науку и стали крупными и известными исследователями (Пекарский, Майнов, Богораз, Виташевский, Иохельсон и др.). Нужно вспомнить значение Клеменца для работ бурятского ученого, Хангалова, работавшего в Отделе. Нужно перечитать письма Клеменца. В них мы найдем и программу отношений Клеменца к местным и незаметным ра-

[1] Изв. ВСОРГО, т. XLV, 1917, стр. 210.
[2] Там же, стр. 203 (из письма Клеменца к Сибирякову).

ботникам-краеведам. „Прежде всего нужно... завести всюду корреспондентов и поддерживать с ними переписку. Живущий где-нибудь в провинциальном захолустьи работник, нуждается в поддержке. Переписка по научным вопросам—это для него манна небесная. Не надобно скучать давать ответы на их запросы, часто пустые и наивные. Местные самоучки крайне самолюбивы, но только приласкайте такого человека—он сделается незаменимым поставщиком материала“ [1].

Отдел умел притянуть к себе местные, незаметные и начинающие силы и этим он не только укрепил себя в прошлом, но и осуществил на практике те идеи, на которых в наше время построилось краеведческое движение.

Работой по подготовке молодых исследователей-краеведов Отдел посильно занят и в настоящее время. Значительный процент участия в Секциях Отдела членов-сотрудников и активное их участие в этой работе, а также и в исследовательских поездках, дает основание надеяться на то, что Отдел будет обеспечен силами и в будущем.

Далее мы должны отметить, уже указанную А. К. Кузнецовым черту в деятельности Отдела, которая заключается в том, что *программа его работ не замыкалась в рамки формально понимаемой географии, но охватывала всестороннее изучение края.*

На эту тему мы дали уже иллюстрации в предыдущем изложении. Добавим лишь несколько штрихов.

С первого же года Отдел имел отделения: математической географии, физической географии, этнографии и статистики, но в своих изданиях он вводил еще более широкий круг вопросов, напр., по языкознанию, химии, сельскому хозяйству, торговле и промышленности, археологии, антропологии, истории, библиографии, астрономии и др.

---

[1] Там же, стр. 174 (из письма Клеменца к неизвестному лицу).

Для наибольшей ясности данного положения назовем ныне существующие (к 75-тилетию) секции Отдела: землеведения, экономическая, этнологическая, палеоэтнологическая, историческая, историко-литературная, бурятоведческая, якутоведческая. Этот список показывает с достаточной четкостью—возле каких категорий изучений группируются работающие в Отделе лица. К этому следует еще добавить существующую [1] при Отделе Астрономическую Обсерваторию, которая также привлекает к себе группу специалистов. Наконец, в Отделе разрабатывается ряд вопросов и вне секций, вернее, пока еще не оформленных в ту или иную секцию, напр., библиографические вопросы, вопросы методологии и методики краеведения и др.

Следующей чертой, исторически отличавшей работу Отдела, было его постоянное *стремление связать свою научную деятельность с жизненными и очередными потребностями края, с его хозяйством и с изучением производительных сил.*

Большинство экспедиций Отдела вызвано было этими потребностями и откликалось на них. Первая же экспедиция Отдела Вилюйская, под начальством Р. К. Маака, была вызвана легендами о железных рудах, соляных залежах и золотоносности Вилюйской котловины, и работы по всестороннему изучению этого района коснулись не только изучения естественных производительных сил, но и сельского хозяйства, промыслов и экономического быта местного населения.

Если таковы были задачи первой экспедиции в пустынный и леденящий „полюс холода", то в дальнейших работах изучения производительных сил и экономики имеют еще большее место.

Пейзын обследует сельское хозяйство Минусинского края, Пермикин делает открытие приисков лянис-лазури, Версилов изучает Витимские золотоно-

[1] с 1910 года.

сные площади, Аносов—Нерчинские, Бакшевич—исследует о. Ольхон, Кашин—экономику приаргунского района и т. д. Ежегодные поездки и работы отдельных исследователей продвигали незаметное и трудное дело ознакомления с богатым и обширным краем.

С 60-х годов особенное значение в работах Отдела занимает изучение недр и их богатств. В рядах Отдела последовательно появляется несколько замечательных геологов-путешественников, и их работы красной нитью протягиваются до наших дней, делая эти изучения характерными для Отдела и создавая в нем целую школу Восточно-Сибирских геологов. Имена эти общеизвестны: И. А. Лопатин, П. А. Крапоткин, А. Л. Чекановский, И. Д. Черский, В. А. Обручев и целый ряд менее известных геологов. В наши дни геологические работы в Отделе представлены также рядом лиц, среди которых необходимо назвать А. В. Львова и Б. Н. Артемьева.

С именами этих работников связана целая вереница экспедиций и научных поездок, организованных от Отдела: Витимская экспедиция, Туруханская экспедиция, Олекминско-Витимская, ряд поездок по Амурскою краю, в Монголию, по Иркутской губ. и Прибайкалью, по Приленскому краю и др.

Изучение недр в многосторонней работе Отдела было лишь главной ее частью: на ряду же с этим шла работа по изучению и других производственных сил края: минеральных источников (исследования Ломоносова, Кельберга, Шамарина, Никитенко и др.), животного мира—в том числе промысловых животных (работы Полякова, Дыбовского, Годлевского, Витковского, Пуцилло, Дорогостайского и др.), почв и растительности (Прейн, Агапитов, Коржинский и др.)

Точно также с самых первых дней работы и до настоящего времени внимание Отдела привлекают промысловое значение Байкала и системы Енисея (Кириллов, Витковский, Левин и др.).

К изучениям естественных производственных сил тесно примыкали работы статистико - экономические. Они также начались с первых шагов жизни Отдела, но наиболее полно стали проводиться с Туруханской экспедиции (1866 г.), в которую в качестве этнографа-статистика вошел А. П. Щапов. Как в этой экспедиции, так и впоследствии, во время своих поездок в Приленский край, он деятельно изучал экономический быт населения и сельскую общину.

Ряд экспедиций Отдела был посвящен изучению путей сообщения, имеющих экономическое значение; таковы Олекминско-Витимская экспедиция, Сунгарийские экспедиции, экспедиция бр. Бутиных (совершенная при участии Отдела) и др. Поездками же от Отдела проторены первые пути в Урянхайский край (Пермикин, позже, Ф. Кон и др.)

Кроме экспедиционных изучений, Отдел широко пользовался и путем рассылки и обработки анкет. В 80-х годах, таким образом, изучается сельская община в Сибири (В. И. Вагин, позже - М. В. Загоскин). в 90-х годах—сельское хозяйство Иркутской губернии (участники статистической секции Отдела—И. А. Молодых, П. Е. Кулаков, Д. П. Першин и др.) в 900-х годах—кустарные промыслы Иркутской губернии (Н. Н. Козьмин).

Значительного расцвета эти изучения достигли в 90-ые годы, когда статистическая секция Отдела работала в тесном общении с экономико - статистической экспедицией для обследования землепользования и экономического быта населения Иркутской и Енисейской губернии (Н. М. Астырев, Л. С. Личков, М. М. Дубенский, Е. А. Смирнов, Н. Е. Козлов и пр.). В те же годы отделом выпускается несколько изданий, посвященных сельско-хозяйственной статистике губернии (под ред. Е. А. Смирнова и В. И. Вагина) [1]

[1] „Иркутская губерния в сельско-хоз. отношении за 1891 г. по сведениям, полученным от корреспондентов". Тоже за 1892 г.

и описанию экономического быта сельского населения губернии [1].

Экономические изучения были включены и выполнены в программах *Якутской* экспедиции Отдела (на средства Сибирякова), где по этим вопросам работали Л. Г. Левенталь, В. И. Иохельсон, С. Ф. Ковалик и др. и *Урянхайской* (Ф. Я. Кон).

К 910-м годам относятся работы И. И. Серебренникова по статистике сельско-хозяйственного населения Иркутской губернии.

В пореволюционные годы экономические изучения снова возродились в Отделе и являются представленными в работах и изданиях (вопросы экономического районирования края, о хлебных ресурсах края и др.) Экономической его секции, а с 1926 года возродились и экспедиционные работы по экономике (экспедиция в Усть-Селегинский район для изучения рыболовных промыслов и экономики населения района).

Вместе с этим следует указать на значительное проникновение в работы Отдела за последние годы вопросов о водных путях сообщения и их экономическом значении (И. Ф. Молодых и др.)

Необходимо указать еще одну отличительную особенность в деятельности Отдела за 75-летие, а именно *постоянную научно-исследовательскую связь с туземным населением, гл. образом, якутами, бурят-монголами и тунгусами.*

Это направление работ Отдела связало его крепкими узами науки с этими народностями и привлек-

---

[1] И. А. Молодых и П. Е. Кулаков, „Иллюстр. описание быта сельского населения Иркут. губернии, составленное под ред. П. П. Семенова“ СПБ 1896 г. (изд. Сукачевым).

ло к работе в нем немногочисленных исследователей из их среды.

Изучение Якутии началось с первого же года существования отдела, т. е. с 1851-го, когда в Вилюйский округ ездил председатель Отдела К. К. Венцель для обследования соляных источников. Вслед за этим идут работы уже упоминавшихся экспедиций отдела: Вилюйской (1853—54 г. г.) и Олекминско-Витимской (1866 г.), захвативших в поле своего изучения значительную и интересную в естественно-историческом отношении территорию Якутского края. Две других экспедиции Отдела: Витимская (1865 г.) и Чукотская (1868—1870 г. г.) направили свои изучения на малые народности Якутии: первая—на орочен; вторая — на чукчей. По изучению последних несколько ранее работал член отдела А. Аргентов, опубликовавший в „Записках“ и „Известиях“ несколько своих работ и находившийся в постоянной переписке с Отделом по вопросу об изучении побережья Ледовитого океана от Нижне-Колымска до Берингова пролива.

В 80-х годах Отдел имеет тесную связь с двумя исследователями Якутии—В. Л. Серошевским, выпустившем в издании РГО свой капитальный труд „Якуты. Опыт этнографического исследования“ и по окончании ссылки проработавшим $2^1/_2$ года в музее и библиотеке Отдела, и с В. Л. Приклонским (библиограф, историк и этнограф), поместившим в „Известиях“ Отдела ряд статей. В эти же годы, а равно и в последующие, работал над изучением пушного дела Якутии чл. Отдела М. В. Пихтин и печатал свои обзоры и сводки в „Известиях“.

Якутоведческие изучения в Отделе получили особенный рост в 90-ые годы. В эти годы Якутский край был посещен уже упоминавшимися геологами: В. А. Обручевым и И. Д. Черским (последний, по окон-

чании Иркутского периода своих работ, путешествовал по поручению Академии Наук), а также для магнитно-метеорологических наблюдений — чл. Отдела А. В. Вознесенским [1]. В средине этого же десятилетия развернулись работы Якутской экспедиции, организованной Отделом. За два года деятельности двадцать участников этой экспедиции собрали весьма обширный материал, который должен был занять 13 томов печатного текста и явиться научной энциклопедией в отношении народностей Якутского, Колымского и Чукотского края. Отдел смог издать лишь небольшую часть трудов экспедиции (издана часть работ Иохельсона, Виташевского, Пекарского, Ковалика, Майнова, Геккера, Ястремского и несколько кратких отчетов).

Эта экспедиция передала свой научный капитал не только Отделу. Собранные ею материалы продолжали и продолжают разрабатываться и опубликовываться вне Отдела: заграницей, в изданиях Академии Наук, вплоть до сегодняшнего дня.

В 900-х годах отдел был менее занят якутоведческими вопросами и лишь опубликовал в „Известиях“ несколько работ М. П. Овчинникова и некоторые работы Якутской экспедиции.

В пореволюционные годы якутоведческие изучения принимают в Отделе новые формы. Поездки в отдаленный край в обстановке экономической разрухи после мировой войны стали затруднительны. В 1917 году Отдел принимает лишь попутное участие в экспедиции Рупвода по изучению Алдано-Майского района в отношении географическом, гидрографическом и этнографическом (поездка И. Ф. Молодых и В. И. Подгорбунского). Якутский край, ставший Республикой, создал свои собственные органы крае-

[1] Сопутствовал Обручеву препаратор отдела Кириллов. Работа В.А. Обручева „Древне-палозойские ссадочные породы р. Лены“ составила том „Записок по общей географии“ за 1892 г. Кроме того несколько работ В. А. напечатаны в „Известиях“ Отдела.

ведчества и стал предметом изучения экспедиции Академии Наук, рассчитанной на пять лет (в этой экспедиции также приняли участие члены Отдела). В то-же время в Иркутске скопилась группа якутской молодежи, обучающаяся в ВУЗ'ах.

Идя навстречу организации молодых сил на почве изучения Якутии, Отдел создал при себе якутоведческий кружок из членов-сотрудников, который с 1925 года превратился в особую секцию. В этой секции преимущественное значение имеют до сего времени вопросы подготовки к научно-исследовательской работе по изучению, гл. образом, экономики и этнографии края. Секция подготовляет издание сборников своих работ, осуществленных во время летних поездок в Якутию.

В изданиях Отдела этих же лет опубликован ряд работ якутоведческого характера (библиографический указатель литературы о народности, составл. П. П. Хороших, био-библографические характеристики краеведов Якутии и др.).

Изучение бурят-монголов и их края были представлены в работах Отдела более полно и более постоянно. Это обуславливалось близостью местонахождения Отдела к Бурятии, а, следовательно, и большей легкостью осуществления поездок и связи. К этому же следует присоединить постоянное влечение Отдела к изучениям Монголии.

Обилие материала не дает нам возможности в этих кратких набросках учесть 75-летнюю бурятоведческую работу Отдела, начавшуюся вместе с рождением его и продолжающуюся до последних дней.

Изучение Бурятии, как местного края, естественно сливалось с изучениями Забайкалья, Прибайкалья и, в частности, Иркутской губернии. Особенное внимание исследователей привлекали: Прибайкальские районы, Тункинская долина, остров Ольхон, долина Иркута, река Селенга и пр. На ряду с этим особое

внимание посвящалось изучению путей сообщения и природы Монголии.

Вопросы изучения бурят, как народности, привлекали максимальное и непрерывное внимание Отдела. Целые тома „Трудов“, „Записок“ и даже целые серии изданий („Бурятоведческие сборники“) посвящены этой народности. Этим же изучениям отданы многие десятки научных поездок исследователей за разные периоды жизни Отдела.

Было бы слишком долго и утомительно перечислять все имена членов отдела, работавших в области бурятоведения. Достаточно только указать, что среди них были такие исследователи, как А. П. Щапов, Д. А. Клеменц, А. В. и Г. Н. Потанины, М. А. Кроль, И. Подгорбунский и мн. др. Целый ряд деятелей Отдела известен, как путешественники по Монголии: Ядринцев, Клеменц, Потанины.

Кроме того, в рядах отдела принимали участие и исследователи буряты, вышедшие из среды самого народа;—Дорчи Банзаров (бывший членом первого состава Общества с 1851 г. и постоянно консультировавший по вопросам бурятоведения), М. Хангалов, Г. Гомбоев, И. Вамбоцэрэнов, П. Баторов, а также ряд менее известных деятелей.

В пореволюционные годы бурятоведческие изучения не только не ослабли в Отделе, но даже стали оживленнее с возникновением особой бурят-монгольской секции, задуманной с 1922 года и организованной фактически в 1925 году. В эту секцию, кроме старых работников Отдела, влилась бурятская молодежь в небывалой для подобного рода организаций цифре (к 1926 году членов секции было около 200, что заставило секцию выделить актив, подготовленный к научно-исследовательской работе).

С 1925 года секция проводит свои научные командировки и издает специальные „Бурятоведческие сборники“.

По изучеиию тунгусов в последние годы работали молодые исследователи Е. И. Титов и Н. П. Попов, опубликовавшие часть своих работ в изданиях Отдела („Сибирская Живая Старина“).

Наконец, нам хотелось бы отметить и еще одну черту, исторически отличавшую работу Отдела—это его *стремление к максимальной публикации своих достижений и работ отдельных своих членов.* К этой цели Отдел шел различными путями: публичность (свободный доступ для посторонних) общих собраний, открытые для каждого члена Отдела собрания Совета, проведение популяризационных работ и до максимума возможностей развитое издательство.

Я остановлюсь на последнем.

Лишь в первые четыре года жизни Отдел не имел собственного печатного органа и отсылал наличные работы на распоряжение РГО, так как в Иркутске не было типографии. Несколько позже (конец 50-х годов), когда в Иркутске появилась военная типография со скоропечатной машиной--оказалось на лицо новое препятствие: в Иркутске не было цензуры и некому было разрешать выпуск изданий; кроме того не было надлежащей бумаги и хорошей типографской краски.

Первоначально Отдел предполагал издавать журнал „Вестник Восточной Сибири“, но под влиянием неблагоприятных обстоятельств пришлось отказаться от этой мысли и поручить РГО взять на себя осуществление издания „*Записок Сибирского Отдела*“— органа, выходившего в неопределенные сроки и с запозданием против намеченного плана. 1-ая книжка „Записок“ вышла в Петербурге в 1856 году под ред. секретаря РГО Ламанского; редактором же, подготавливавшим материал в Иркутске, был И. В. Сельский. Всего в Петербурге вышло „*Записок*“ пять книжек за период до 1858 г. Вследствие разросшегося материала РГО предложило Отделу взять издание в свои руки, тем более, что в Иркутске стали создаваться необходимые условия для печатания. Книжка 6-я „Записок“ вы-

шла в Иркутске в типографии штаба войск в 1863 г. За промежуток же между 1858 и 1863 годом Отдел издал в Петербурге труды своих экспедиций—Амурской и Уссурийской.

Регулярный выход „Записок“ продолжался до 1867 года, когда Отдел решил иметь два органа: для освещения текущей жизни Отдела и статьевых работ—„Известия“ и для работ монографического характера „Записки“.

Первый том „*Известий*“ в составе №№ 1—5 в трех книжках вошел в 1870 году в Иркутске под ред. правителя дел Усольцева. С этого времени это издание продолжается до настоящего времени.

„Записки“ же после выхода в 1886 году XII-ой книжки разбились по трем отделениям: общей географии, статистики и этнографии и просуществовали до 1896 года, а со следующего года были заменены „Трудами Восточно-Сибирского Отдела“.

Кроме этих периодических серий Отдел выпускал значительное количество изданий, в виде отдельных книг и брошюр. Таким образом, вне серий изданы, например, все труды Маака, „Хронологический перечень важн. событий из истории Сибири“—Щеглова, „Иллюстриров. описание быта сельского населения Иркут. губ.“—Молодых и Кулакова, „Новые данные к истории Вост. Сибири“—Ионина, „Краткий русско-якутский словарь“—Пекарского, „Фауна Байкала“—Коротнева и мн. другие, включая сюда и каталоги, и отчеты, и программы и т. д.

Отдельной серией выходили в 90-х годах „*Труды Якутской экспедиции*“.

В годы войны и начала революции (1918—1921 г.г.) издательство Отдела приостановилось.

Попытка возобновления была сделана в 1921 г. (издан один выпуск „Известий“), но удалось возродить издательство лишь с 1923 года.

В пореволюционные годы вышли следующие серии изданий Отдела. Прежде всего продолжались

„*Известия*“, при чем некоторые тома их, предоставленные Отделом в распоряжение секций землеведения и экономики, назывались „*Очерками по землеведению и экономике Восточной Сибири*“. Далее возникли: этнографические издания: „*Сибирская живая старина*“, „*Бурятоведческие сборники*“, инструкционно-программная серия--„*Библиотека собирателя*“, „*Этнографический бюллетень*“, переименованный с № 6-го в „*Бюллетень Вост. Сиб. Отдела Р.Г. О-ва*“. Кроме того продолжали выходить отдельные издания вне серий и вышла одна газета—однодневка „Краеведческий труд“.

Всего Отделом за 75 лет издано около 250 отдельных книжных единиц, начиная от брошюры и до тома в несколько сот страниц. В это число не входят карты, планы, графики и отдельные оттиски.

Эти цифры могут не удивить равнодушного наблюдателя, но следует вспомнить, что издательская продукция Отдела осуществлялась им всегда при самом ничтожном бюджете, при полном напряжении своих ресурсов, при безвозмездном труде своих работников, а в последние годы неоднократно и на средства последних.

Настоящий очерк не является историческим обзором работ Отдела: в задачи его входило лишь рассмотрение наиболее характерных черт, развившихся в работе Отдела за его долголетнее существование.

Может показаться некоторым недочетом, что среди охарактеризованных особенностей мы не указали на постоянное *стремление Отдела организовать работы на подлинном материале, подлежащем изучению, т. е. проводить изучения „на месте“*. Отсюда—обилие экспедиций, научных поездок исследователей, работа над первоисточниками. Нам казалось, что эта черта предполагается сама собою для всякой оригинальной научной работы, поэтому и указывать ее было бы излишне.

Исследовательская работа Отдела и его издания, а равно наличность подсобных учреждений, в виде библиотеки, музея и астроном. обсерватории—дали возможность осуществиться той мысли, которая была выражена при его возникновении: ВСОРГО сделался той научной базой, без услуг которой нельзя обойтись при изучении Восточной Сибири.

Накопление этого капитала шло в неблагоприятной обстановке и медленно[1]. Первую четверь века Отдел работал один и был единственным научным учреждением на всю Сибирь. В 1877 году возникает собрат по работе — Западно-Сибирский Отдел РГО и происходит переименование Сибирского Отдела в Восточно-Сибирский. В 80-х и 90 годах возникает ряд других отделов РГО в Сибири и музеев. Территориально ближайшие к Отделу — Забайкальский (Читинский) и Красноярский Отделы возникли: первый в 1894 году и второй в 1901 году.

В годы революции стала возникать краеведческая сеть на местах и стали проводиться в жизнь те приемы изучения своего края, которые были исторически выношены в далеком прошлом, но осуществлению которых препятствовали внешние обстоятельства, лежавшие за пределами воли и желания наших предшественников.

75-летие Отдела является поводом вскрыть многие факты из прошлого краеведческой работы в Сибири и учесть итоги сделанных накоплений и происшедших потерь.

Мы вправе думать, что скромный юбилей Восточно-Сибирского Отдела является вместе с тем культурным праздником для сибирского краеведения.

---

[1] В 1879 году сгорел музей Отдела с его коллекциями до 10000 музейн. единиц и библиотека с количеством в 10082 книги. Кроме того, погибли рукописи и архив. Много усилий и средств пришлось затратить на возобновление погибших учреждений.

Марк Азадовский.

Пути этнографических изучений

Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества.

В сибирской этнографической историографии имеется уже сравнительно не мало работ, посвященных — прямо или косвенно — обзору, учету и оценке того, что сделано Восточно-Сибирским Отделом Русского Географического Общества в области этнографического изучения края. Таковы статьи: М. В. Загоскина[1], Д. П. Першина[2], Д. А. Клеменца[3], Н. Н. Козьмина[4], труды П. П. Семенова-Тяньшанского[5], А. Н. Пыпина[6] и др. Наконец, в настоящее время эти итоги заново пересматриваются Г. С. Виноградовым в специальном сборнике, посвященном семидесятипятилетию Отдела[7].

Это обстоятельство, особенно наличие печатающейся одновременно статьи обзорного характера Г. С. Виноградова, освобождает нас от обязанности подробно останавливаться на всех моментах этнографической работы Отдела: перечислять подробно все предпринятые и организованные Отделом поездки и экспедиции, проведенные исследования, опубликованные труды и т. д. В настоящей статье мы хотели бы только наметить *основные моменты и периоды* в развитии этнографических изучений Отдела.

---

[1] Очерк двадцатипятилетней деятельности Отдела. Ирк. 1876.

[2] Д. П. Першин. Краткий очерк пятидесятилетней деятельности Рус. Геогр. Об-ва по этнографии в пределах Азии. Изв. ВСОРГО т. XXVII, № 1, 1899; стр. 41—85.

[3] Журнал торжественного заседания по случаю освящения новых зал музея.

[4] Н. Н. Козьмин. Исторический очерк деятельности Вост. Сиб. Отдела Р. Г. Об-ва за пятьдесят лет. Изв. Вост. Сиб. Отд. РГО, т. XXXV, № 2; Ирк. 1904.

[5] П. П. Семенов-Тяньшанский. История полувековой деятельности Рус. Геогр. Об-ва 1845 — 1895, т. I — III. СПБ. 1896.

[6] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. Белоруссия и Сибирь. СПБ. 1892.

[7] Г. С. Виноградов. Краткий очерк этнографических изучений Вост. Сиб. Отд. РГО. Изв. ВСОРГО, т. I. (печат.)

Каждый раз, когда устанавливается та или иная периодизация или намечаются какие-либо основные моменты, необходимо определить заранее ту точку зрения, с которой это деление или установка производится. В данной статье, мы подходим к вопросу, главным образом, с точки зрения, которую, с некоторой оговоркой, можно было бы назвать, организационной, — другими словами, мы хотели бы наметить и определить те основные формы, в которые вылились семидесятипятилетние этнографические изучения Отдела и те основные задачи, которые им за это время ставились и разрабатывались.

И с этой — организационной — точки зрения, нам думается, можно установить четыре основных периода в жизни и развитии Отдела. Первый период — период грандиозных предприятий Отдела, период исследования наиболее отдаленных и неведомых частей Восточной Сибири; период, который, по размаху и напряжению творческих сил, с полным правом может быть назван героическим периодом в истории нашего Отдела. Но этнография в этот период еще не выделена в особую отрасль, этнографические изучения входят только, как часть, как деталь, в общем плане всестороннего изучения края и еще не поднимаются над уровнем сырых материалов.

Второй период характеризуется уже углублением и расширением этнографических изучений. В этот период этнография уже выделяется, в качестве самостоятельной и самодовлеющей задачи исследования, — ставятся уже определенные и ясно формулированные этнографические проблемы, к разработке которых Отдел и приступает. Этот период может быть назван *Щаповским периодом,* по имени центральной и руководящей фигуры в этих изучениях (может быть, еще точнее. следовало бы сказать: период Ровинского и Щапова). Третий период — период, собственно организационный, период углубления и осмысления задач, поставленных предыдущей эпохой, и поисков наилучших организационных форм для их разрешения, — этот период теснейшим образом связан с деятельностью в Отделе Потанина и Клеменца, именем которых его и следует характеризовать. Впрочем, Клеменц, как это мы увидим ниже, явился только замечательным продолжателем Потанина и углубителем принципов, заложенных и утвержденных в Отделе последним. Поэтому, едва ли будет ошибкой именовать этот период, как *период Потанинский.* Наконец, последний период — период послереволюционный, еще не завершенный в своем развитии.

Центральной фигурой первого периода явился Р. К. Маак, предприятиями которого. в сущности, заполнено все первое десятилетие Отдела. Одна за другой следуют знаменитые экспедиции: Вилюйская. Амурская, Уссурийская. Первая из них особенно характерна и показательна для этого периода. Вместе с тем она является, несомненно, и самой замечательной из всех экспедиций Отдела, а может быть и из всех сибирских экспедиций после Гмелина и Миллера. „Обозрение Вилюйской долины", как скупо, но красноречиво свидетельствует один из отчетов: „было совершено в течение 13 месяцев. Путешественники сделали 9000 верст и описали площадь в 403.900 квадратных верст".

И достаточно только отчетливо представить себе условия путешествия по нашему крайнему северу в начале 50-х годов, чтобы вполне оценить все значение этого предприятия, граничащего порою с подвигом, „Надо представить себе необозримую суровую пустыню", пишет Пыпин: „без человеческого жилья на сотнях верст, при страшной температуре северной зимы, чтобы оценить самоотвержение ученого, который, буквально, рискуя собственной жизнью, пускался в этот страшный путь" [1]. Но Маак скуп в рассказах о себе и только в описании обратного пути,— когда в течение трех месяцев экспедиция шла, не встречая ни одного человеческого жилья и „проводя ночи под открытым небом" — он изменяет обычной сдержанности и рисует захватывающую жуткую картину скитаний экспедиции, когда каждый участник смыкал от усталости глаза, „не надеясь уже более открыть их".

Этнографическим материалам, по преимуществу, посвящен III-й том, где собраны довольно подробные сведения по быту вилюйских якутов: физический тип, расселение, промыслы, жилище, одежда, пища, обряды, предания и пр., — но они вкраплены также и в первые два тома, где мы встречаем любопытнейшие материалы и о тунгусах и о русском населении. Впрочем, Маак неоднократно подчеркивает, что собирание этнографических сведений не входило в программу его занятий. „Если несмотря на это, я и прочие члены экспедиции не оставляли без внимания и других отраслей знания, то это мы делали по доброй воле и по мере сил". „Вообще", добавляет он: „требовать от натуралистов, отправляющихся со специальной целью для исследования такого отдаленного, обширного и почти совсем не исследованного края, собирания этнографических и археологических сведений почти не возможно".

---

[1] Вестн. Евр. 1887, XII; стр. 866.

Тем не менее Мааку удалось собрать и значительные коллекции (погибшие при пожаре Иркутского музея в 1879 году) и дать этнографическое описание, не утратившее своего значения и в наши дни. В последующих его экспедициях на этнографические описания обращалось уже большое внимание; и хотя значительная часть материалов, собранных спутником Маака, А. Брылкиным — которому собственно и была поручена этнографическая часть в последних экспедициях — осталась неопубликованной, Мааковские описания путешествий по Амуру и Уссури во многих случаях сохраняют силу и значение первоисточника при изучении этнографии нашего Дальнего Востока. И еще недавно это значение книг Маака подчеркнул Л.Я. Штернберг в своем обзоре русских изучений в области тихоокеанской этнографии.

В трудах Маака мало общих выводов, поставленных проблем и т. п. Но в них ли дело? Все равно, какие бы общие выводы при тогдашнем состоянии науки ни сделал Маак, для наших дней они наверняка оказались бы устарелыми; описания же его не потеряли своей свежести и по сейчас. Это не только — важные и интересные первоисточники, но это и увлекательные, пленительные книги, от которых трудно оторваться, потому что Маак принадлежал к числу тех путешественников, которые умеют зорко видеть и тонко наблюдать. Изданием книг Маака Отдел сделал ценнейший вклад не только в познание Сибири, не только в сибиреведение, но и в мировую литературу путешествий.

Работами Маака не исчерпываются, конечно, этнографические труды Отдела в этот период. Следует упомянуть еще и о работах Аргентова, посвященных народам крайнего севера, о лингвистических трудах Хитрово, о неутомимых сборах Кострова, но все это, как уже сказано — сырые материалы. Правда, в составе деятелей первого периода был и крупный специалист-этнограф, Дорджи Банзаров, который мог бы вполне стать в центре научной работы в этом направлении и создать вокруг себя целую школу, но он умер в самом начале работ Отдела (в 1855 г.) и не оставил глубокого следа в истории Общества.

Второй период связан с пребыванием в Сибири Ровинского и Щапова — период, сыгравший совершенно исключительную роль в развитии и судьбах сибирской этнографии. Хронологически он определяется: конец 60-х и первая половина 70-х годов. Вместо широких и всеобъемлющих задач всестороннего описания выдвигаются определенные проблемы, ставятся ясно очерченные задачи. Так, все путешествия и все исследования Ровинского подчинены совершенно определен-

ному плану—выяснению судеб русско-славянского племени в Сибири.

Работы Ровинского в Сибири явились продолжением, вернее, логическим следствием его первоначальных работ по изучению славянства на юге и Западе Европы. Там он изучал соприкосновение славян с культурами римско-германской и грекс-турецкой — Сибирь должна была дать ему материал для понимания судеб славянского племени на его восточных пределах.

„Если славяне на юге и Западе России", формулировал свои задачи Ровинский: „цивилизовались под прямым и косвенным влиянием культурно-классического мира, приходя в соприкосновение с Константинополем и Римом, непосредственно или через германцев, то для полного понимания их характера и способностей, необходимо определить их роль и значение в обратном положении, т. е. там, где они, сталкиваясь с менее цивилизованными народами должны сами явиться элементом цивилизующим". Наиболее удобным и интересным пунктом для таких исследований, по убеждению Ровинского, являлась именно Восточная Сибирь[1].

Основные вопросы, которые стояли перед Ровинским, сводились к следующим положениям: „насколько русский народ сам развит, чтоб не подчиниться подавляющему влиянию большинства и быть проводником цивилизации? насколько Восток способен к принятию этой цивилизации и, что, наконец, происходит от неизбежного взаимодействия Востока и Запада"[2]. Ответ на эти вопросы и должно было дать изучение русского населения, именно, в тех местах, где оно обитало вкрапленным среди разнообразных туземных племен. Такими местами явились для Ровинского — Балаганский район, Тункинский Край и особенно селения семейских в Забайкалье и пограничные казачьи пункты. Последним маршрутом Ровинского в Сибири было путешествие в Минусинск через Нижнеудинск.

Наибольший интерес представляло для Ровинского изучение забайкальских семейских. Последние жили в то время еще замкнутой сепаратной общиной, и исследование их, сравнительно с другими группами славянского населения, особенно с живущими в Сибири малороссами, давало возможность сделать ряд важных выводов по существу поставленных вопросов.

В основе занятий и исследований Ровинского лежало собирание архивных и статистических данных, но они, как писал исследователь в своих отчетах, еще не способны дать понятие

---

[1] Отчет Сиб. Отд. Рус. Геогр. Об-ва за 1870 г.; стр. 18;
[2] ibid., стр. 18.

о том „что за тип и что за жизнь выработались от взаимодействия разнородных элементов". И, следуя этому положению, Ровинский набрасывал и оставлял Отделу, в качестве руководства, стройную программу исследования: „нужно знакомиться с бытом народа, нужно подметить и собрать все особенности, как наружного типа, так и языка, образа жизни и духовной деятельности народа, выражающейся в песне, сказке и верованиях" [1].

Попутно должны были вестись аналогичные сравнительные наблюдения и среди туземных окрестных народов и, таким образом, в результате должна была создаться картина материального и нравственного состояния русского населения в данной области, должны были определиться „его гражданское и умственное развитие", должен быть установлен „прогресс в увеличении населения" и его экономическое развитие.

Программа Ровинского оказалась значительно шире его работ. Несмотря на то, что он объехал значительное пространство, посетил много разнообразных мест, собранные им материалы, поскольку можно судить по его отчетам, представляются сравнительно незначительными; сравнительно скромны были и его выводы. Не осталось от этих путешествий и никаких солидных этнографических трудов — мы имеем только ряд небольших путевых очерков, опубликованных частью в изданиях Отдела, частью в некоторых российских изданиях. Видимо — основываясь опять таки на тех же отчетах — не очень многочисленны были и его сборы, особенно фольклористических материалов [2]. Во всяком случае, позднейшие исследователи собиратели сумели собрать богатейшие материалы в тех местах, которые много ранее посетил Ровинский и где он констатировал бедность устно-поэтической традиции.

Таким образом, значение Ровинского, главным образом, в том, что он наметил программу основных ближайших изучений и поставил перед последующими исследователями широкие и ясно-очерченные задачи. В этом главная заслуга и значение Ровинского в истории сибирской этнографии.

---

[1] Отчет Сиб. Отд. Рус. Геогр. Об-ва за 1871 г.; стр. 10.

[2] В качестве примера, приведем выписку из Отчета Сиб. Отд. РГО за 1871 г. „Из сообщений Ровинского видно, что он успел объехать значительное пространство, именно, по Селенге, Ялику и между ними, и вполне ознакомился с семейскими, которые составляют самое интересное население, перебрал у них несколько архивов и выбрал из них все, что было для него особенно важно; войдя в добрые отношения с семейскими, довольно близко познакомился с их внутреней жизнью, *собрал несколько песен и стихов*, словарь местных слов и т. д. (курсив наш). Изв. Сиб. Отд. Рус. Геогр. Об-ва, т. III, № 1; стр. 4.

Реализация же этой программм, дальнейшие шаги в этом направлении были выполнены уже другим исследователем, начавшим работать в Сибири почти одновременно с Ровинским, Аф. Пр. Щаповым.

Щапов также в своих этнографических работах исходил из широких общих проблем. Проблема областности и историко-этнографического самоосознания, лежащая в центре всех его исторических работ, на сибирской почве получила совершенно исключительное значение. Как удачно формулирует Н. Н. Козьмин: „с самого начала своей научной деятельности, Щапов старался проникнуть в сокровенные тайники народно-исторической жизни и уловить естественно-исторические процессы народного развития“ Но Щапову-историку как раз не хватало непосредственного знания народной жизни, непосредственного изучения народного быта; эти возможности широко открывались для него в родной ему Сибири.

В Сибирь ехал Щапов, в качестве ссыльного, но он лелеял планы грандиозных этнографических экспедиций и обследований. Эти мечты и планы скрашивали мысли о ссылке, и, сразу же по приезде, Щапов становится деятельнейшим участником Отдела и принимает участие в его экспедициях. Первым предприятием Щапова было участие в Туруханской экспедиции Отдела. В ней он принял на себя антропологическую часть.

Но эти задачи антрополога он понимал достаточно широко. Собственно антропологические изучения являлись для него базой, на которой развертывалась широкая этнографическая и экономическая картина быта населения. Он начинал с изучения физического типа населения, изучал его рабочую силу, физиологическую мощность населения и „физиологию рабочего дня“ (т. е. распределение сна, отдыха, труда и т. п.), изучал распределение браков, рождений, состав семейств, физиологическое смешение и т. д. От вопросов антропологии он переходил к экономическому быту, от него к умственному складу и миросозерцанию населения (как русского, так и туземного) и, наконец, все исследование завершалось подробным историческим очерком колонизации и культуры Туруханского края. Эта, замечательная по плану и богатству собранных материалов, работа, озаглавленная автором „Народная жизнь на севере Енисея между 60° и 65° с. ш“, к сожалению, погибла во время иркутского пожара и мы можем судить о ней только по подробному отчету-конспекту, представленному в Географическое Общество [1].

---

[1] Известия Рус. Геогр. Об-ва, 1868.

Вторым этапом в этнографических изысканиях Щапова, произведенных по поручению Сибирского Отдела, было обследование Верхоленского края. Результаты этих работ выразились в ряде статей, напечатанных в „Известиях“ Сибирского Отдела.

В центре всего лежит здесь у Щапова проблема метисации; эта проблема, которую он ставил, в качестве одной из тем во время Туруханской экспедиции, в этой экспедиции стала уже доминирующей и подчиняющей себе все остальное. Встречи и беседы с Ровинским и работы последнего, видимо, сыграли огромную роль в направлении и характере дальнейших работ Щапова. Чрезвычайно знаменательно, что к статье „Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении“, которая является центральной в ряду его работ о Верхоленском крае, он ставит подзаголовок: „Изменение славяно-русской народности в сибирском населении“, т. е. он сам устанавливает полную связь с работами своего предшественника, и этим подзаголовком как бы подчеркивает, что его работы следует рассматривать, как дальнейшее продолжение изысканий Ровинского. Заставляет вспомнить о Ровинском и та формулировка, которую давал Щапов основному моменту своих исследований. Эта основная проблема звучала так: „подвергаются ли каким-либо изменениям человеческие расы, вследствие колонизации новых стран и смешения с другими, отличными от них племенами или под влиянием новых физико-географических и этнических условий“.

И, если Ровинский ограничился только постановкой задачи, наметив немногие вехи для ее разрешения на сибирской почве, то Щапов доходил уже до конца в своих исследованиях и выводах; за четко поставленными вопросами и ясно очерченными задачами следовало столь же категорическое и разрешение.

В мировой науке к тому времени уже накопилось достаточно материалов по этому вопросу. Исследования Дарвина, Реклю, Брассера и др. достаточно отчетливо ставили и самую проблему и наметили пути для ее решения. Основной тезис этих работ утверждал необходимость создания разнохарактерной помеси, как результат близкого соприкосновенин двух разных рас. И, опираясь на эти исследования, Щапов рисовал яркую, но подавляющую. картину постепенного обеднения и даже вырождения славяно-русского населения, очутившегося среди чуждых туземных племен.

На вопрос Ровинского о цивилизаторской роли русского населения, Щапов отвечал категорически отрицательно. Пере-

валив Урал и оторвавшись от своего корня, русская народность в Сибири оказалась неустойчивой, как в физическом, так и в моральном отношении, и не смогла противустоять натиску чуждой, оказавшейся более сильною, крови. На сибирской почве—утверждал Щапов—начал складываться новый областной тип населения. В физическом отношении этот тип составлял как бы „переход от славяно-русской народности к типу северных инородцев"; в психическом—„воспринял некоторые особенности инородческих племен и утратил многие коренные свойства русской природы; в нравственном—он характеризуется „развитием эгоизма и стремления к наживе; притуплением нравственных начал и узостью общественных и нравственных понятий"; наконец, и в умственном отношении сибиряк значительно уступает коренному русскому. Короче, русско-сибирская народность является „выродком славяно-русского племени", „значительно изменившегося от неблагоприятных физико-географических и этнологических условий и представляющей относительно немного привлекательных и достойных уважения черт".

Нет надобности останавливаться на подробностях и деталях Щаповских построений; не уместно было бы останавливаться сейчас и на подробном разборе их. Последующие изучения, в достаточной степени, обнаружили и ошибочность концепции Щапова и неточность его методов. Но дело не в выводах и даже не в методах. Значение работ Щапова в области изучения русско-сибирской народности не столько в выводах, сколько в постановке задач и в тех широких горизонтах, которые открывались перед сибирской этнографией работами Щапова.

В его работах этнография перестала быть только собранием разнообразных и разнородных фактов и материалов. Материалы эти упорядочивались, прояснялись общей мыслью, складывались в целостное мировоззрение. В лице Щапова молодая сибирская этнография подводила первые общие итоги и впервые делала общие выводы. Наконец, в работах Щапова передовое сибирское общество впервые отчетливо осознало и общественное значение этнографии: все построения Щапова были тесно связаны с его определенными публицистическими устремлениями.

Эту сторону сибирских работ Щапова выделил и подчеркнул уже Пыпин в своей „Истории русской этнографии", удачно сформулировав их основные положения. „Судьба Сибири"—пишет А. Н. Пыпин—„представлялась Щапову в тесной связи с целым народным развитием, так что движение

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

русского народа на сибирский восток Щапов приравнивал к тому движению, которое позднее выразилось Петровскою реформою“ [1]. Последняя явилась результатом того тупика, в который загнал русскую жизнь московский период; „дальнейшее движение было возможно только с разрушением сложившихся форм и усвоением новых“—эти новые формы дала Петровская реформа, но „еще ранее Петра сам народ предпринял такой же переворот, уходя массами на восток, где „оторвавшись от общего корня исторической жизни и традиции великорусского народа“ он стал вырабатывать самобытную своеобразную народность и жизнь“. Но „отделенное от России, окруженное совершенно новыми условиями природы, сибирское население „больше искало *новой* жизни, чем думало о старой“; приспособление к новым физико-географическим и этнографическим условиям знаменовало вместе с тем отход от историко-традиционных основ и от начал великорусской народной жизни. „Таков был—подчеркивает Пыпин—исходный пункт того развития, которое сопровождалось образованием особой русско-сибирской народности“. В этом были свои „глубокие, невыгодные стороны“. „Петр, разрушая старину, давал взамен ее науку; сибирские гулящие люди, оторвавшись от старины, б.- может, еще больше, чем сам Петр, перезабыв все, что создало народное творчество и даже начав противоставлять себя „расейцам“, очутились от науки дальше, чем были русские до Петра. *Сибирскому населению не доставало просвещения, то-есть, положительной части реформы*“.

Таким образом, в результате исторических и этнографических разысканий вставала перед Щаповым определенная общественная проблема, к которой он упорно и настойчиво возвращается и которую он формулировал в требовании создания сибирского университета. Идея сибирского университета явилась органическим выводом из наблюдений над историко-этнографическими судьбами русского народа в Сибири.

Это сознание тесной связи этнографических изучений с жгучими проблемами современности является одним из главнейших и существеннейших моментов в наследстве Щапова,—и это то особенно хорошо и плодотворно было усвоено следующими поколениями исследователей, выдвинутых Отделом. Под знаком такого понимания прошла вся научно-исследовательская деятельность Ядринцева, таким пониманием определялась деятельность участников Сибиряковской экспедиции,—

[1] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. Белоруссия и Сибирь; Спб. 1892; стр. 439.

[2] ibid., стр. 439.

эта линия является господствующей в работе Отдела вплоть до сегодняшнего дня, когда она нашла такое яркое завершение в принципах и формулах современного краеведения. Родоначальником этой традиции и этого направления должно считать А. П. Щапова.

Но значение Щаповского наследства не исчерпывается только этой общепринципиальной стороной,—есть целый ряд работ Щапова в области сибирской этнографии, которые и по сию пору не утратили своего фактического значения и даже, в некоторых случаях, являются основными. Таковы работы Щапова, посвященные общинному быту и родовому строю бурят.

Щапов первый дал характеристику и описание бурятского родового строя. Правда, как замечает позднейший историк (М. Н. Богданов): „данная Щаповым характеристика кажется идеализацией родового быта", особенно для исследователей, наблюдавших разлагающийся или уже разложившийся родовой строй, „описание ведется в повышенном тоне и автор сам не скрывает своего восхищения перед „первобытными социальными инстинктами, открытыми им в бурятах", перед „общинным единодушием", „общностью и солидарностью интересов" и т. д."[1]. Но, по мнению М. Н. Богданова, если отбросить в сторону этот повышенный тон, то обнаружится, что в Щаповских описаниях элемент идеализации вовсе отсутствует, а фактическая сторона Щаповской характеристики „бурятской родовой общины" сохраняет свое научное значение и в настоящее время [2].

Действительно, значение работ Щапова в сфере бурятоведения—огромно. Они послужили опорным пунктом—и, пожалуй, предопределили их—для позднейших работ М. А. Кроля. Так, напр., данная последним характеристика форм землевладения и землепользования у забайкальских бурят вполне подтвердила ту картину, которую смелыми и широкими мазками набрасывал для Кудинско-Верхоленских степей Щапов. Работы Хангалова и Богданова перенесли эту характеристику и на остальную Бурятию. Одна из главнейших работ Богданова „Черты общественного развития бурятского народа" представляет собою, в сущности, дальнейшее развитие основных взглядов Щапова и всецело покоится на фактической части его работ, хотя к этому времени скопилось не малое количе-

---

[1] М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. С дополнительными статьями Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина. Под ред. Н. Н. Козьмина. Верхнеуд. 1926; стр. 95.

[2] ibid., стр. 96.

ство новых материалов по быту бурят (в работах Кроля, Кулакова, Хангалова, самого Богданова и др.). Наконец, в еще большей степени сказалось влияние Щапова на позднейших, богатых материалом, но крайне неудовлетворительных в методологическом отношении, работах Петри.

Мы остановились подробно на деятельности Щапова, так как считаем ее одним из самых ярких и значительных моментов в жизни Отдела. Со Щаповым впервые этнография приковывает к себе максимум внимания и становится центром работ Отдела. Вместе с тем, Щапов так расширил понимание задач этнографии, так раздвинул ее рамки, что на его этнографических трудах воспиталось целое поколение исследователей, не только этнографов, но и историков, и экономистов.

Но та высота, на которую поднял этнографические изучения Щапов, была еще не под силу Отделу. Отдел в то время еще не мог создать плотного окружения для Щапова и. в сущности, Щапов работал почти в полном одиночестве,—и когда, в 1876 году, он умер, в этнографической деятельности Отдела сразу образовалась заметная брешь, весьма долго не пополнявшаяся. В течение целого десятилетия мы не можем указать сколько-нибудь ярких проявлений ее ни в области экспедиционной ни в области издательской. Единственным исключением являются работы по изучению шаманства—Агапитова и первые опыты Хангалова.

Это свое прежнее значение и прежний размах снова приобретает этнография в деятельности Г. Н. Потанина, именем которого, по справедливости, должен быть охарактеризован следующий период. И, если в трудах Ровинского и Щапова простое собирательство уступило место систематическому исследованию, то, в лице Потанина, сибирская этнографическая наука получила могучего организатора. Потанин был не только замечательным путешественником и исследователем, но был и исключительным собирателем сил и руководителем. В эпоху, когда Потанин был правителем дел, Отдел завоевывает самые широкие симпатии и самую широкую популярность; пожалуй, никогда не был силен так авторитет Отдела и в научном мире и в общественном мнении, как в этот период.

С поразительной энергией он разыскивает и привлекает к Отделу сотрудников в разных углах Сибири, выдвигает вопрос о составлении этнографических программ и сам работает над ними, организует маленькие и большие экспедиции, уже со специально-этнографическими целями, умеет пробудить интерес к этнографическим исследованиям в разнообразных кругах общества и добывает средства для экспедиций и печатных

работ. Не довольствуясь рамками „Известий", он издает ряд специальных „Записок": „Записки по общей географии", „Записки по отделению статистики", „Записки по этнографии" и публикует в них целый ряд исследований первостепенной важности и значения. „Все свое внимание и энергию",—говорил в одной из своих речей Д. А. Клеменц: „Гр. Ник. посвятил развитию этнографических изучений в Отделе. Громадное доверие к нему и его широкая популярность дали ему возможность собрать те средства, на которые изданы были им целых четыре выпуска „Записок по этнографии „и соединить силы для работы на этом поприще". [1]

Следует несколько подробнее осветить эту сторону деятельности Г. Н. Потанина. В 1889 г. он организовал „Записки по отделению статистики". Первый том вышел под редакцией самого Г. Н. Потанина (он был посвящен работе С. Л. Чудновского „Переселенческое дело на Алтае"); в том же году выходит первый том „Записок по этнографии" также под редакцией Потанина: сборник, посвященный текстам бурятских сказок и поверий, собранных Хангаловым и Затопляевым, и открывающий собой серию работ Отдела по фольклору. Сборник этот издан на средства, предоставленные для этой цели А. Д. Старцевым, учеником и другом декабристов. Наконец, в 1890 году выходит том „Записок по общей географии", также задуманный и организованный Потаниным и изданный также на привлеченные им частные средства (фирмы „Коковин и Басов"), содержанием этого тома явились „Труды русских торговых людей в Монголии и Китае": замечательные описания и дневники, дающие богатые сведения, как по географии и экономике, так и по этнографии.

В 1890 году выходят еще три тома „Записок по этнографии": сказания бурят, записанные разными собирателями, материалы о шаманстве у бурят, шаманские поверья туземных племен Восточной Сибири и знаменитый „Верхоянский Сборник", составленный И. А. Худяковым. Одновременно печатаются этнографические статьи и в „Известиях": статьи самого Потанина, Клеменца, Виташевского, Шиманского, Хангалова и др., особенно должно отметить статьи Баторова и Вамбоцыренова — местных бурят, привлеченных к сотрудничеству и научной работе Г. Н. Потаниным. К этому же времени относятся известные работы по буддизму И. А. Подгорбунского, а также работы по юридическому и общинному быту бурят М. А. Кроля.

---

[1] Журнал торжественного собрания Восточно-Сибирского Отдела 17 ноября 1891 года по случаю освещения новых зал музея; стр. 29.

Что же касается тех сторон этнографических изучений, которые были выдвинуты Потаниным, то здесь на первом плане были явления духовной культуры и, особенно, вопросы фольклора. В работах Отдела до-Потанинского периода фольклор не играл существенно-значительной роли. Материалы по народной словесности, как и по духовной культуре, занимали сравнительно второстепенное место и включались, главным образом, как попутный материал.

Правда, ко времени Потанина, Отделом было уже накоплено не мало записей по фольклору — особенно, по фольклору туземных племен — но опять таки это был сырой и случайный материал. Так, напр., в „Вилюйском Округе" Р. Маак поместил главу „несколько слов об якутском языке и о памятниках народного творчества в Вилюйском Округе", сопроводив ее текстом двух сказок, и нескольких загадок. Но Маак сам подчеркивает, что фольклористическим занятиям он уделял очень немного времени. Сказки, загадки и другие памятники устного творчества он записывал, по собственному признанию, обычно, „уже поздно вечером, после утомительных дневных трудов" [1]. Такое же, вполне случайное, место, занимают они и в его „Путешествии на Амур" и в трудах других путешественников этого периода. Более видное место занимали они в работах Брылкина, но они интересовали его исключительно, как лингвистический материал.

Ровинский подчеркнул принципиальное значение фольклористических исследований, но, как мы уже говорили, собственные его сборы были довольно скудны; материалы и выводы Щапова в области русско-сибирского фольклора, являются, как это уже достаточно выяснено критикой, самым слабым местом его работ [2].

Потанин выдвинул вопросы фольклора и духовной культуры на первый план и указал на необходимость систематического и строго-научного собирания и изучения памятников устного творчества. Самой первой работой, опубликованной Потаниным в изданиях Отдела — еще до вступления его в Отдел, в качестве Правителя дел — была программа по сибирскому шаманству [3]. Ему же принадлежит подробно разработанная программа по изучанию туземно-сибирского фольклора, опублико-

---

[1] Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области, СПБ. 1887; стр. 123.

[2] Г. Н. Потанин. Программа для собрания сведений о сибирском шаманстве. Ирк. 1880.

[3] Срв. А. Макаренко. Сибирские песенные старины. Жив. Ст. 1907, I. А. Пруссак. Игральные, хороводные и плясовые песни Ирк. губ. Изв. Отд. Ирк. Общ. изуч. Сиб. вып. I. 1917. М. Азадовский. Эпическая традиция в Сибири. Чита, 1921.

ванная в „Записках Академии Наук“ и сыгравшая большую роль в сибирских изучениях.

Этот период деятельности Потанина в Отделе совпал как раз с той полосой в жизни Потанина, когда вопросы фольклора стали в центре всех его изучений. „Усердно собирая памятники народной словесности — пишет С. Ф. Ольденбург — Потанин, сам вечный странник, увлекся странствующими сказками и преданиями и с увлечением принялся за отыскивание родины этих кочевников слова“ [1]. Он решительно примкнул к тому направлению русской науки, которое, в поисках источников, для объяснения памятников русского устного творчества, обращалось на восток [2].

Но Потанин пошел гораздо дальше своих предшественников. Он распространил эту гипотезу о восточном влиянии и на западный эпос. Основным положением его известной работы о „восточных мотивах в средневековом европейском эпосе“ является идея единства средневекового западного и восточно-ордынского эпоса, и вместе с тем он значительно расширил круг привлекаемых к исследованию и сравнению источников, вводя впервые в таком огромном количестве памятники творчества монгольских и тибетских племен. И, как бы ни относиться к крайностям и преувеличениям Потанина, каковы бы ни были его методологические ошибки, это широкое привлечение степных материалов останется навсегда его исключительной и огромной заслугой.

В заключительных строках своего исследования он писал: „Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих варваров и на историю духовно-культурных заимствований мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива... и несмелость мышления, порабощенного рутинными взглядами и рутинными верованиями“ [3] ... Это отношение к степному эпосу он сравнивал с таким же недавним отношением западной науки к славянским литературам,—но для последних недавнее пренебрежение кончилось полным признанием и оценкой важности славянских памятников. „Может-быть“, спрашивал он: „такой же поворот нужно ожидать и в отношении к степному преданию. Может-быть, будет признано столь же невыгодным для науки дальнейшее пренебрежение степным преданием“ [4].

---

[1] С. Ф. Ольденбург. Не довольно... Рус. Мысль, 1915, XI; стр. 8.

[2] См. предисловие ко 2-му тому труда Г. Н. Потанина „Тангуто-тибетская окраина Китая и центральная Монголия“. СПБ. 1893.

[3] *Г. Н. Потанин.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. 1899; стр. 856.

[4] ibid.

Эти призывы и методологические требования Потанина не остались бесследными. В 1915 году, подводя итоги уже завершавшегося научного и жизненного пути Потанина, один из авторитетнейших русских фольклористов-востоковедов указывал на те обильные плоды, которая принесла эта деятельность знаменитого путешественника-собирателя: „русскими и бурятскими собирателями записан в подлинниках, и частью уже издан с русскими переводами ряд сказок, былин и преданий монголов, а обширнейший материал ждет еще издания. Пренебрежение, на которое жаловался Гр. Ник., уже сменилось живым интересом — семя, брошенное им, уже взошло пышными всходами. И Григория Николаевича должно радовать сознание, что это, действительно, плоды его дел!“ [1]

Но это также и плоды деятельности Отдела, ибо как раз Восточно-Сибирский Отдел был, главным образом, местом приложения деятельности Потанина. Тот интерес к степному преданию, который он внушил русской и западной науке, он сумел привить и нашему Отделу, тем самым тесно сблизив его с мировой наукой. Он привлек целый ряд деятельнейших сотрудников, и сумел находить энергичных и преданных помощников в различных слоях общества. „Из простых бурят“, вспоминал позже с восхищением Клеменц: „он формировал ценных сотрудников Отдела“ [2]. Ярким примером может служить Хангалов, исключительно Потанину обязанный своим духовным формированием. С помощью этих местных деятелей и сотрудников и создались эти знаменитые „Сказания бурят“, „Балаганский Сборник“ и др., составившие эпоху в фольклористике издания Отдела.

Но, помимо общенаучного значения, этот „фольклористический уклон“ Потанина и Отдела имеет и огромное принципиально-организационное значение, которое особенно важно учесть в наши дни. В наши дни неоднократно приходится сталкиваться если не с отрицательным, то с несколько пренебрежительным отношением к вопросам фольклора и духовной культуры. Эти интересы якобы отовлекают от основных задач современности, в частности, задач познания экономического быта и изучения производительных сил страны.

Деятельность Потанина могла бы быть прекрасным ответом на эти опасения и обвинения. В его трудах мы видим, как тесно связаны фольклористические изучения со всеми сторонами жизни народа, как тесно переплетаются вопросы жизни и быта, вопросы духовной культуры и экономического благосостояния, — как в изучении духовной культуры раскрывается

---

[1] *С. Ф. Ольденбург.* Не довольно... Рус. Мысль, 1915, XI; стр. 9.
[2] *Д. А. Клеменц.* Г. Н. Потанин. Рус. Богат., 1905, IX; стр. 184.

весь народ. На сессии Центрального Бюро Краеведения (в январе 1926 года) представитель ассоциации Горских краеведческих организаций, т. Тахо-Годи указывал, что „для союзных республик, еще только начинающих становиться на ноги и жить самостоятельной жизнью, основой краеведческой работы является познание себя — своего языка, истории, фольклора“[1]. От этого, говорил он, „краеведение не перестало быть краеведением“, но на этой почве, на почве глубокого и всестороннего осознания своей духовной культуры развиваются и встают вопросы быта, экономики, производительных сил[2].

В сущности, таков же опыт сибирского краеведения и сибирской фольклористики, и далеко не случайно, Хангалов, начав с собирания религиозного и сказочного предания, заканчивает ценнейшими работами по общинному быту; не случайно самый выдающийся собиратель материалов бурятской поэзии, Жамцарано, завершает свою работу активнейшим участием в революционном строительстве страны.

Мы не случайно напомнили имя Жамцарано. Это имя также тесно связано с нашим Отделом. Он был учеником местных учеников Потанина, и в библиотеке ВСОРГО, по собственному его свидетельству, произошло духовное сформирование его. Позволим себе напомнить несколько строк из его замечательного предисловия к третьему выпуску „Произведений народной словесности бурят“: „Я посетил почти всех бурят, но лучше всего исследовал район, лежащий к востоку от Иркутска до р. Лены и оз. Ольхона. Буряты, охваченные мною— Кудинские, Верхоленские, Хурумлинские, Хутульские, Ольхонские—все представляли единое целое в этнографическом и лингвистическом отношениях. То были буряты поколения Эхирит— бухгат. Мне стало известно, где какие буряты живут, что из себя представляют они и их шаманы и рапсоды, как нужно записывать памятники народного творчества, каковы обычаи и верования и т. д. *Словно открылись у меня глаза: я стал видеть бурят!*“[3]

Но так всегда раскрывались глаза у всех собирателей. И Потанин прекрасно знал, что делал, когда указывал местным исследователям, в качестве первой стадии и первой задачи, работу по изучению местных преданий, песен, сказок, былин и пр. т. п. В понимании Потанина, фольклор и вообще этно-

[1] Известия Центрального Бюро Краеведения, 1926, № 1, стр. 6.
[2] ibid., стр. 15.
[3] Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Том I. Произведения народной словесности бурят. Собрал Ц. Ж. Жамцарано, вып. III, п. 1918; стр. XIII.

графические исследования, являлись наилучшими моментами в организации целостного изучения страны и народа,--наилучший пример таких изучений дал он сам в своих трудах, начиная от этнографического описания Тотьмы и кончая описанием своих путешествий.

Эта сторона деятельности Потанина является вместе с тем и одной из граней деятельности Отдела, она характерна и для современных этнографических изучений ВСОРГО.

Г. Н. Потанин недолго оставался правителем дел Отдела и фактическим руководителем его этнографической работы,— но его сменил Д. А. Клеменц, работавший по тем же принципам и еще глубже укрепивший их в практике Отдела. Об иркутском периоде Клеменца его биограф говорит, как об одном из плодотворнейших во всей его жизни. „Здесь вполне развернулись его дарования в приложении их к местным исследованиям, сначала в качестве правителя дел Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества, а затем, в качестве исследователя, исколесившего Монголию, с целью изучения ее, преимущественно в археологическом и геологическом отношениях".[1]

Это напряжение творческих сил, которое переживал тогда Клеменц, передалось и Отделу, и Клеменц, подобно Потанину, беспрерывно раскрывал перед деятелями ВСОРГО новые перспективы, ставил новые задачи и указывал новые пути. Крупнейшим предприятием Клеменца, которое является вместе с тем и крупнейшим предприятием Отдела за весь период его существования, является организация экспедиции для всестороннего изучения якутской народности и Якутского края,— мы говорим о знаменитой в судьбах сибирского краеведения и сибирской этнографии—Сибиряковской экспедиции.

Сибиряковская экспедиция — памятная и замечательная веха—не только в истории Отдела и края, но и в истории русских экспедиций вообще. Это был первый опыт комплексной, *стационарной экспедиции*. Как бы ни была блестяще обставлена какая-либо, организованная тем или иным центральным научным учреждением, экспедиция, она все же сможет установить только общую картину природы и населения края, но никогда не будет в силах охватить мельчайших деталей быта; целый ряд вопросов всегда неминуемо остается или совсем неосвещенным или только слегка затронутым изучением. Всесторонняя, полная картина быта может создаться только тогда, когда это изучение ведется длительно и когда к нему привлечены местные силы и лица, близко стоящие к населению.

---

[1] А. В. Адрианов. Памяти супругов Клеменц. Изв. ВСОРГО, т. XLVI. 1916; стр. 118—119.

В таком изучении нуждался именно якутский край, начало общего изучения которого было блестяще начато академическими экспедициями XVIII века и продолжено рядом экспедиций в XIX веке, кончая Мааком,—но где оставался неосвещенным еще целый ряд вопросов, связанных с самыми основными проблемами существования якутской народности. Между тем, якутская народность—как указывалось в докладной записке Отдела по поводу учреждения экспедиции—представлялась и самым многочисленным племенем после бурят и одним из наиболее способных к восприятию элементов высшей культуры. Не смотря на это, говорилось далее в записке: „их быт, мировоззрение, язык, антропологический характер племени, общественно-экономическое состояние его, отношение к русскому населению и этого последнего к якутам и некоторые другие вопросы были весьма мало и поверхностно изучены, а во многих частях даже совершенно не затронуты".

Естественно, что Отделу, так много сделавшему для изучения бурятского народа, надлежало позаботиться и об изучении якутов. Огромные же пространства Якутии, разнообразие предстоящих задач, — все это тем более выдвигало мысль об обращении к местным людям или, как уже сказано, к лицам, в силу тех или иных причин близко связанным с краем и населением. Такими лицами были прежде всего многочисленные представители политической ссылки, находящиеся в различных пунктах обширной Якутской области.

Участие ссыльных было ценно не только тем, что многие из них являлись выдающимися собирателями и исследователями,— но они находились в исключительных условиях для работы. Вся их жизнь проходила в тесной связи с местным населением; культурная работа среди туземных, угнетаемых племен являлась одним из центральнейших моментов в неписанном кодексе „политики" в Сибири. Политические ссыльные стремились изо всех сил быть полезными этому забитому и эксплуатируемому населению; они были для него и врачами, и учителями, и адвокатами; они беспрерывно входили во все детали его повседневного быта и им зато было обеспечено, как никому другому, в полной мере доверие и уважение населения. „Те из ссыльных" свидетельствует авторитетный участник этого периода якутской ссылки, „которым довелось пробыть в одном и том же наслеге подряд несколько лет, получали возможность изучить местную жизнь с полнотой, при иных условиях недостижимой "[1]

---

[1] И. И. Майнов. Предисловие к био-библиографическому очерку о Вс. М. Ионове, составленном П. П. Хороших. Сиб. Жив. Ст. III—IV; стр. 164

Эту-то мысль об организации исследования преимущественно силами политической ссылки и выдвинул впервые Д. А. Клеменц. Эту мысль он внушил и жертвователю, И. М. Сибирякову, который в ответном письме на имя Клеменца писал: „местными силами, конечно, очень желательно пользоваться, и я думаю, что они найдутся... Я думаю, что политические ссыльные, в изобилии посылаемые в Якутский край, представляют из себя как бы невольную экспедицию для исследования области и нужно только уметь воспользоваться их наблюдениями "[1] Эту точку зрения Клеменц сумел внушить и Отделу и, что было гораздо труднее, краевой администрации.

Действительно, тогдашняя политическая ссылка в Якутской области представляла собою как бы потенциальную Якутскую академию. Среди ее представителей был ряд выдающихся специалистов в разных отраслях науки, некоторые из них задолго до экспедиции вели в течение многих лет наблюдения и изучения, — и, в сущности, задачей экспедиции явилась не столько организация работ, сколько придание организационной стройности уже ведущимся исследованиям. Нужно было объединить разбросанные в разных пунктах работы, ввести их в единое русло, связать общностью плана и задач.

Сам жертвователь в письме к Клеменцу так формулировал свои интересы: „главный мотив — ... это выяснение экономических условий жизни инородцев, окружающих и живущих в приисковом районе Якутской области; важно не только выяснение всякого рода неблагоприятных условий жизни инородцев, но и последствия такого рода выяснений, т. е. различного рода меры, клонящиеся к улучшению условий жизни инородцев, связанных с деятельностью золотопромышленников. Важно также, чтобы экспедиция, насколько возможно, выяснила исторический род развития жизни инородцев. Вымирают они, или наоборот: нарождаются и совершенствуются. Влияние на то и другое русской культуры. Крайне важно выяснить экономические условия жизни и различные влияния, их обуславливающие. Выяснить состояние образования, положение школ, положение народного здравия, продовольствие, меры, принимаемые для лечения эпидемических болезней на людях и скоте, в частности, проказы..., состояние земледелия, дорог, влияние заработков, имеющихся на приисках и др. Затем, важно составить представление о типе народа, т. е. якутов, тунгусов, и вследствие этого выяснение всех других сторон жизни, касающихся верований, обычаев, языка, антропометрии... Для выяснения харак-

[1] Известия Вост. Сиб. Отд. РТО, т. XLV, 1916 г. Посвящается памяти Д. А. Клеменца; стр. 159.

тера народа — собирание сказок, поверий, пословиц, исследование обычного права“ [1].

Это несколько суммарное, но все же достаточно четкое построение, получило еще более стройную схему после той обработки, которой оно было подвергнуто Клеменцом, и после тех совещаний, которые происходили уже в Якутске при участии специально ездившего туда с этой целью того же Клеменца. В этой окончательной редакции мы видим уже захваченными почти все стороны быта якутов и их духовной культуры физический тип (антропология и антропометрия), физиологические материалы, пища. жилище, одежда, экономический строй, юридический быт, криминальная психология, дохристианские верования, шаманство, язык и т. д. Кроме того Богоразу и Иохельсону было поручено обследование Колымского округа для наблюдений над тамошним населением (чукчи, юкагиры, ламуты, тунгусы, русские).

Широте изучения соответствовала и высота их. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечислить хотя бы только имена привлеченных к исследованию лиц: уже названные Богораз, Иохельсон, затем Майнов, Пекарский, Виташевский, Левенталь, Ионов, Ковалик, Ястремский и др.,—как видим, все это имена выдающихся исследователей: этнографов и статистиков, позже занявших видное место в русской науке; не лишне добавить, что для некоторых из них Сибиряковская экспедиция явилась школой, в которой они и сложились, как ученые.

Еще одна сторона работ Сибиряковской экспедиции заслуживает особого внимания. Выше мы указывали, что уже в работах Щапова отчетливо обнаружилась тесная связь этнографии с общественными проблемами и запросами. В установлении этой связи, в необходимости вести свои изучения под знаком ее, была сущность Щаповского завещания, которое он оставил Отделу и сибирским исследователям. Эта линия, как мы также говорили, стала, действительно, обязательной и неотъемлемой в работах Отдела, но нигде с такой силой и яркостью не обнаружилась она. как в работах Сибиряковской экспедиции. Осознание тесной связи научного исследования с проблемами жизнестроительства — ее характернейший и существеннейший признак.

И здесь мы имеем в виду не только те практические задания, которые имел в виду жертвователь и о которых он говорил в цитированном выше письме,—речь идет о том более глубоком понимании этой связи с насущными жизненными запросами, которое было придано изучению участниками экспе-

[1] ibid., стр.

диции. Особый состав участников Сибиряковской экспедиции предопределил и особый подход к материалу.

Научно-исследовательская работа для представителей тогдашней политической ссылки являлась не только спасением от тяжелых условий ссыльного бытия, но и продолжением той линии, которая привела их в ссылку. Научные работы в их сознании не отрывались от общей культурной работы. И уже, конечно, отнюдь, не означали отказа от прежней линии революционного действия. Трощанский одновременно и разрабатывал материалы по дохристианским верованиям якутов и разрабатывал стратегическую программу организации баррикадного боя на петербургских улицах; большинство участников Сибиряковской экспедиции, вернувшись в Россию, приняло вновь живейшее участие в политической борьбе.

Эту сторону отмечает и подчеркивает и И. И. Майнов в уже цитированной нами статье. Указывая на огромное воспитательное значение гуманитарных тенденций русской литературы, а также на роль исследований и статей Ядринцева, проникнутых горячим сочувствием к угнетаемым и обездоленным туземным племенам, он особенно настойчиво подчеркивает, что этнографические исследования привлекали ссыльных не только ради их теоретического интереса, но были тесно связаны и с практическими запросами. В этих исследованиях они искали „предпосылок для разумно направленной деятельности", искали путей для устранения тех или иных темных сторон местной жизни и для поддержания „проявляющихся в ней положительных начал":

„В силу этого рода побуждений — пишет автор — если не все, то очень многие из исследователей, принадлежавших к кругу ссыльных, не ограничивались одним изучением действительности, но пытались и активно вмешиваться в ход жизни, содействуя населению в его борьбе со всякими неправдами": „Этот жизненный интерес", продолжает он „очень явственно отразился на работах Н. А. Виташевского по выяснению якутского обычного права, на работах Л. Г. Левенталя по истории хозяйственного быта якутов и на ряде других трудов, выполненных политическими ссыльными конца XIX века. Авторы этих трудов выступали и как теоретики, пытавшиеся установить внутреннюю связь фактов, и как практики, искавшие в тех же фактах подтверждения для тех или иных жизненных требований" [1].

Этот „жизненный уклон" иногда выражался чрезвычайно резко и отчетливо; не даром, работу Левенталя, уже не только

---

[1] И. И. Майнов. Цит. статья; стр. 166.

вполне приготовленную к печати, но уже набранную и сверстанную, иркутские власти, не нашли возможным разрешить к выпуску, и только теперь, спустя почти тридцать лет, она выходит в свет, по сохранившейся корректуре, в издании Академии Наук.

Отделу не суждено было довести до конца свое грандиозное предприятие. Смерть жертвователя, прекращение источников средств, новые люди и новые веяния в Отделе в значительной степени сказались на дальнейшем ходе дел. Правда, почти все задания, порученные участникам на местах, были выполнены, но опубликование всех трудов оказалось невозможным. Все издание „Трудов Якутской экспедиции" было рассчитано на 13 томов и должно было включать от 500 до 600 типографских листов (8.000—9.000 страниц). Но в „Трудах экспедиции" удалось осуществить только выпуск двух работ Ястремского по грамматике якутского языка и работы Иохельсона „Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе" да некоторые материалы из этой серии были опубликованы в виде отдельных статей в „Известиях" Отдела.

Кроме того в издании же Отдела вышел в Якутске „Краткий русско-якутский словарь" Пекарского — зерно будущего монументального „Якутского Словаря" — издания, составляющего гордость современной Академии Наук.

Но не следует думать, что остальные работы так и погибли, не увидев света, или остались только достоянием архивов. Большая часть из них издана нашими центральными научными учреждениями (Академией Наук и Географическим Обществом), часть нашла приют за границей, наконец, некоторые работы включены в издательский план Якутской Экспедиции Академии Наук, тем самым как бы связав эти два предприятия: Сибиряковскую и Академическую экспедиции.

Впрочем, эта связь гораздо глубже. Эта связь осуществляется и составом деятелей современной экспедиции и идейным характером ее. И по широте заданий, и по плану построения, и по положенным в основу принципам современная Якутская Экспедиция Академии Наук является прямой наследницей Сибиряковской экспедиции Восточно-Сибирского Отдела, но, конечно, более грандиозной и более широкой.

Сибиряковская экспедиция—последнее крупное предприятие Отдела. С отъездом из Иркутска Потанина и Клеменца, вообще, начинается спад работы. 900-е годы—годы постепенного понижения темпа и энергии этнографических изучений. В 1901 году, в качестве председателя этнографического отделения, мы видим А. Г. Дедова, главного инспектора училищ Восточной Сибири, ничем не проявившего себя в научной деятельности.

Единственным заметным фактом в жизни Отдела за этот период были экспедиции к сойотам Ф. Я. Кона. 1905 год дал возможность уехать из Сибири целому ряду политических ссыльных, это окончательно обессилило этнографическую работу Отдела; из местных сил еще не выдвинулось достаточно подготовленных заместителей.

Отдел, конечно, все время вел работу. Выходили „Известия", в них печатались статьи, среди них встречалось не мало интересных этнографических материалов, но все это было случайным, не объединенным ни единым планом ни единой целью. Наконец, незадолго перед революцией, у Отдела появился собрат-соперник—„Общество изучения Сибири и улучшения ее быта", стянувшее к себе наиболее живые силы. Во главе его стал бывший политический ссыльный, некогда усердный деятель Восточно-Сибирского Отдела, М. А. Кроль.

А затем наступившие великие и значительные события на некоторое время и совсем оборвали работу и Общества изучения Сибири и ВСОРГО.

Вновь оживление этнографических работ в Отделе наступает после революции, Этот четвертый период тесно связан с „Сибирской Живой Стариной"; по вполне понятным причинам, мы не можем подробно останавливаться на анализе и оценке этого периода, но все же необходимо, хотя бы кратко, коснуться основных целей и задач. которые положены в основу как журнала, так и других современных этнографических ячеек Восточно-Сибирского Отдела.

В сущности, говорить следует не столько о журнале, сколько о той организации, с которой он тесно связан и чьим органом он, до некоторой степени, является. В специальных очерках-обзорах нам приходилось уже дважды останавливаться на характере этнографических изучений, которые были проведены Отделом в послереволюционный период[1]—этим материалом позволим себе воспользоваться и в настоящем очерке.

Прежде всего следует отметить некоторое перемещение центра изучений. Внимание Отдела в дореволюционный период было направлено, главным образом, в сторону изучения туземных племен Сибири. Выше уже была отмечена та огромная роль, которую сыграл Отдел в изучении бурятского народа; значителен и крупен был вклад Отдела в изучение Якутии и якутского народа. Начало этому изучению положила еще Ви-

---

[1] Этнография в Сибири. Обзор этнографических изучений в Сибири за 1918—1925 г.г. Сев. Азия, 1926, V—VI.

Arbeiten über die Völkerkunde Sibiriens (1924—1925). Zusemmefnassung. „Ethnologischer Anzeiger" 1926, № 1; S. 51—56.

люйская экспедиция Маака, кульминационным пунктом явилась Сибиряковская экспедиция: трудами участников последней были захвачены и другие племена Северо-Востока Сибири: тунгусы, чукчи, юкагиры. ламуты—из более ранних изучений этих племен следует отметить Чукотскую экспедицию, работы Аргентова и др.

Не мало сделано Отделом и для изучения племен Дальнего Востока. Начало научного изучения гольдов тесно связано с деятельностью Восточно-Сибирского Отдела. Это значение и роль Отдела отмечает и Л. Я. Штернберг в своем обзоре русских исследований на Тихоокеанском побережье. „Первым, описавшим гольдов на всем протяжении Амура и Уссури, был Маак, командированный для этого Иркутским Отделом Географического Общества"—пишет исследователь. „Две большие работы его: Путешествие на Амур" и „Путешествие по долине Уссури" вместе с прекрасным атласом рисунков являются одними из первоисточников"[1].

Вместе с Мааком работал другой член Отдела, А. Брылкин, давший первый опыт гольдской грамматики. Он же собрал богатые материалы и по языку айнов, к сожалению, в значительной степени погибшие. По языку айнов работал также при поддержке Отдела на Сахалине Добротворский. Тесно связаны с Отделом и другие исследователи народностей Дальнего Востока: Венюков, Пржевальский, Гребницкий и др.

Сравнительно менее сделано Отделом по изучению тунгусов, но и здесь мы имеем ряд интересных и ценных работ и сообщений: сведения Маака, работы Кларка, Кривошапкина, Майнова. Остальные племена затронуты изучением только косвенно и случайно, но и приведенных материалов достаточно, чтобы судить, как велик и значителен был вклад Отдела в дело изучения туземных племен Сибири.

Среди этих разнообразных и разносторонних этнографических интересов ВСОРГО сравнительно слабое место занимала этнография русского населения в Сибири, как, впрочем, и в других сибирских Отделах Общества, или, как можно добавить, вообще в русской науке. Правда, в самом начале жизни Отдела мы встречаемся с деятельностью Андреянова и Боголюбского, занимавшихся изучением русского областного наречия, с деятельностью Ушарова, объехавшего ради бытовых наблюдений Иркутский и Балаганский уезды, но все это были

[1] Тихий Океан. Русские научные исследования. Изд. Академии Наук СССР. 1926; стр. 158. Отметим, что Штернберг ошибочно называет отдел „Иркутским". Во время экспедиции Маака он именовался „Сибирским", а с 1878 г.—„Восточно-Сибирским".

случайные работы, не связанные органически со всей деятельностью Отдела и не давшие в сущности, сколько-нибудь значительных результатов. Некоторые из них, напр., работы Голюбского и Андреянова так и остались ненапечатанными. Случайный характер носили и появлявшиеся иногда на страницах „Записок" коротенькие заметки Кострова; д-р Кашин, по преимуществу, печатал свои очерки в центральных изданиях, знаменитое описание Енисейской губернии М. Кривошапкина только внешне связано с Отделом.

Нельзя сказать, чтобы сознание важности этой стороны изучений совершенно не ощущалось Отделом. Еще один из первых председателей Отдела, Б. Кукель (1862) в своей программной речи отметил, в качестве существенного и важного пробела в деятельности Общества „отсутствие сборников песен, пословиц, сказок, преданий, знакомящих с настоящим бытом Сибири". Но эти призывы как то не находили отклика; внимание направлялось на исследование наиболее отдаленных пунктов, на изучение быта притягивавших своей неизвестностью туземных племен. „В Сибири" замечает Клеменц: „гораздо больше интересовались инородцами, чем русским населением".

Труды Ровинскэго и Щапова, казалось, должны были бы восполнить этот крупный пробел. Но, как мы видели, фактических материалов они дали немного, а общая точка зрения того и другого, несомненно, губительно отозвалась на дальнейших изучениях русской народности в Сибири. Щапов особенно отчетливо и энергично настаивал на полной неинтересности изучения русско-сибирских сказок, песен или преданий. По воззрениям Ровинского и Щапова (у одного — очень решительно, у другого — более осторожно) сибиряк был лишен всякой умственной и эстетической культуры. Старые былины и предания им безнадежно забыты, песни—искажены и исковерканы и т. д. У него, как формулирует усвоивший эти воззрения Клеменц. „было в памяти несколько песен да сказок, из религии своей он знал о пострадавшем Христе, несколько молитв и обрядов. Это в лучшем случае. Не знал он и общественной жизни[1]".

Естественно, что при таком построении, сделанном авторитетными для Сибири исследователями, жизнь и быт русско-сибирского населения не привлекали к себе внимания.

Сибиряк казался не представляющим никакого интереса, как этнографический объект, и это на долго предопределяло судьбу его познания и изучения.

---

[1] Нужды Сибири. Сб. под ред. И. Мельника. Спб. 1908 г. стр. 53.

Замечательно, что и Потанин, начавший свою этнографическую работу с изучения русского населения в Томской губернии, позже энергично пропагандирующий необходимость внимательного собирания и изучения русско-сибирских сказок. во время своего пребывания в Иркутске почти совершенно не затрагивал этой стороны. Так было еще сильно в Отделе обаяние воззрений Щапова; его концепцию разделяли и такой крупный общественный деятель-народник, как Астырев, и Ядринцев и, как мы видели, Клеменц. Правда, двое последних стремились несколько смягчить суровые выводы Щапова.

Усилившийся в конце XIX века интерес к *русской* этнографии, организация журналов „Живая Старина“ и „Этнографическое Обозрение“ с их широким вниманием к русскому фольклору и быту, выход в свет IV-го тома (посвященного Сибири) „Истории русской этнографии“ Пыпина, настоятельно указывающего местным деятелям, в качестве очередной задачи, изучение русской народности,—все это не могло, конечно, не воздействовать на местную этнографическую мысль. Наблюдается некоторое оживление с этой стороны и в Отделе. Отдел оказывает поддержку работам политического ссыльного. В. С. Арефьева, всецело посвятившего себя русской этнографии, поддерживает работу Протасова, деятельного и надолго единственного собирателя народных мелодий в Сибири, охотно печатает в своих изданиях работы Красноженовой (из Красноярска), оказывает содействие работам по русскому фольклору Овчинникова и т. д. Но все-таки, и здесь как-то не чувствуется органической связи с этим делом всего Отдела. В каждом данном случае перед нами инициатива того или иного отдельного лица, чье-то личное предприятие, но не предприятие Отдела. За все время после Ровинского и Щапова перед Отделом ни разу не вставал вопрос о систематическом построении русско-сибирской этнографии, о специальной этнографической экспедиции в русские селения, о планомерном изучении быта и фольклора местного русского населения.

Дело кардинально меняется в послереволюционную эпоху. Строительство революционного периода наложило свой отпечаток и на характер местных исследований. В основу всех изучений легло сознание необходимости строгой организованности и планомерности. Встал вопрос об энергичном и систематическом пополнении пробелов прошлого,—в связи с этим на первый план выдвинулось изучение русской народности, его быта и фольклора. И, в сущности, деятельность современной Этнологической Секции, главным образом, характеризуется этим направлением. Так, впервые в Отделе были затронуты вопросы систематического изучения в Сибири русского жилища, одежды.

русской народной кулинарии и пищи и т. п.; впервые был поставлен в широком объеме вопрос об изучении русского народного исскуства [1], детского фольклора; наконец, в широком масштабе ставится собирание и изучение русской сказки и сказителей, народной музыки, народной лирики и др. памятников фольклора [2]. С этими темами, как и темами в области материальной культуры, тесно связана и проблема культурного взаимовлияния русских и туземных племен, которая разрабатывается сейчас Г. С. Виноградовым, продолжающим с этой стороны дело Ровинского и Щапова, и некоторыми молодыми исследователями, по преимуществу, его же учениками.

Наконец, особенное внимание уделяется процессам современной народно-хозяйственной жизни и изучению быта и фольклора отдельных производственных групп: напр., рыбацкий быт, ямщицкий быт и пр.

Но было бы ошибкой думать, что этот усиленный интерес к изучению русской народности заглушил прежнее стремление к исследованиям туземной Сибири. Наоборот, эта исконная традиция Отдела является не только ничуть не поколебленной в настоящее время, но она приняла более четкие, организационные формы. По прежнему, на первом плане стоит изучение бурятской и якутской народности, особенно—первой. За революционный период в изданиях Отдела напечатана значительная серия работ по бурятоведению; наконец, в 1925 году образовалась специальная бурятоведческая секция; несколько позже по ее образцу возникла секция якутская. Таким образом, длительное изучение этих народностей завершилось выделением и организацией специальных ячеек для разработки вопросов их этнографии, истории и экономики, ячеек, в которых это изучение ведется почти исключительно силами представителей этих народностей, главным образом, учащейся—в том числе и рабфаковской—молодежью.

В „Сибирской Живой Старине" появлялись также работы о гольдах, юраках, но с работой Отдела и секций в целом это не связано; поскольку „Сибирская Живая Старина" поставила себе, в качестве одной из задач—объединение сибирских этнографов, присутствие этих статей на ее страницах вполне понятно, но собственные задачи секции должны лежать в несколько иной плоскости. Ее задачей должно явиться

[1] Ранее Отделом была произведена только работа в области учета памятников старинного искусства в Сибири. В 1911 г. была выпущена работа И. И. Серебренникова. „Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии".

[2] Усилились также и изучения народных говоров Сибири. С весны 1925 г. образована специальная диалектологическая подсекция.

изучению ближайших территориально малых народностей: Отделу надлежит в ближайшее время ликвидировать свою давнюю задолженность перед этими племенами. Так, напр., Отделом непростительно мало сделано до сих пор для изучения карагасов также иркутских сойотов—и эта картина ничуть не изменилась и в наши дни. Организация изучений этих племен, также организация специальной тунгусоведческой секции должна быть включена в программу ближайших работ Отдела.

Характерно также для современных интересов Отдела—повышенное внимание к современности и ее сложным бытовым формам. Внимание исследователей и собирателей привлекают не столько старые формы быта, сколько те изменения и переформирования, которые вносит в эти отстоявшиеся формы революционное строительство и революционная ломка. Вопросы ломки старого быта, встреча старого и нового бытового уклада, заход тем революции и современности в традиционные схемы старого устного творчества и зарождение новых поэтических форм,—вот основные интересы, которые нашли отражение и в докладах этнологической секции и на страницах „Сибирской Живой Старины“ и „Бурятоведческих сборников“.

В качестве примера можно привести: „Этнографию и современность“ Виноградова — статью, которой открылся журнал; заметку Малаховского о „Советском Винограде“, статьи и материалы по партизанскому фольклору; ставший теперь уже широко известным „Плач по Ленине“ (запись Хандзинского), современные бурятские песни о Ленине и многое другое.

Значительно изменилась и организационная структура и направление работ Секции. Прежде всего, значительно изменился самый состав участников. Благодаря новому уставу, в Отдел хлынули в качестве членов-сотрудников, широкие волны молодежи. Это дало возможность перестроить на новых началах и всю работу.

Работа прежних Отделений и Секций протекала исключительно в заслушании научных докладов, отчетов о поездках. и в обсуждении их программ, т. е. вся работа протекала исключительно в заседаниях и не вовлекала всех членов. В настоящее время господствует принцип семинарской работы. Помимо чтения научных сообщений и докладов, помимо различного рода отчетных докладов, Секцией поставлен ряд заданий, требующих коллективного выполнения. Так, напр., по этнологической секции намечено составление ряда программ, проведение библиографических работ, составление библиографического словаря сибирских этнографов, обследование старой газетной литературы для учета имеющихся в них этнографических ма-

териалов,[1] наконец, систематическое обследование путем специальных поездок и небольших коллективных экспедиций наименее изученных в этнологическом отношении районов Иркутской губернии. Такого же, примерно, типа работы и туземных секций. Целый ряд работ, появившихся в „Сибирской Живой Старине", „Бурятоведческом сборнике" и других изданиях Отдела—представляют собою работы, выполненные молодыми членами Секций по заданиям последних.

Это широкое участие в работах Отдела молодежи дает твердую уверенность и в разрешении одного из самых острых и больных вопросов сибирского краеведения и сибирской этнографии: вопроса о смене. Почти вся история Отдела, как мы видели, состоит из периодов подъема и спада. Все эти периоды тесно связаны с деятельностью тех или иных лиц. И, в большинстве случаев, перед нами работа и подвиги пришельцев. Пришельцами-чужаками были первые деятели, составившие Отдел, пришельцами были первые, вышедшие из его рядов, исследователи.

Пришельцем-чужаком был и Маак, в конце концов, покинувший Иркутск и Отдел, и случайный гость, Ровинский и Клеменц, и многочисленные представители политической ссылки.

Правда, своим, земляком-сибиряком был Щапов, но все же он был приневоленный житель своей родины, и очень остро сознавал это, беспрестанно стремясь вырваться из нее. Пришельцем для Отдела был и другой сибиряк, Потанин. Иногда среди них появлялись и скромные, одухотворенные горячей любовью к краю, фигуры местных деятелей—вспомним хотя бы Писарева, Загоскина—но они чувствовали свою силу только рядом с другими, более сильными, чем они, пришельцами, которых они беспрекословно и безоговорочно признавали вождями. Они оставались в тени рядом с ними и чувствовали себя беспомощными и одинокими без них. Вокруг них не было плотного окружения, не было плотной среды, в которой они могли бы найти опору. И оттого то и бывали такие длительные перерывы в жизни Общества, такие тусклые периоды бездействия.

Иную картину представляет собой современный Отдел и его Секции. Свежие молодые силы, влившиеся в ряды работников Общества, работы молодых исследователей в его изданиях, экспедиции, выполняемые силами студенческой молодежи,— все это дает твердую уверенность, что смена найдется и будущий путь сибирской этнографии, как и всего сибирского краеведения, будет бесперерывен и бесперебоен.

[1] Следует отметить, что по этому заданию уже многое выполнено: в Изв. „ВСОРГО". т. I.I опубликуется предварительный список Восточно-сибирских этнографов.

В. Л. Петрова-Смагина

ЭТНОГРАФИЯ

в трудах Восточно-Сибирского Отдела Русско-Географического Общества

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1851—1926

Настоящая работа является попыткой дать общую библиографическую сводку всех этнографических материалов, которые появлялись в изданиях Отдела за 75 лет его деятельности. В отличие от других анологичных работ, наш указатель стремится дать перечень не только всех собственно-этнографических работ, но особенно отметить и перечислить этнографические моменты, которые являются попутно вкрапленными в те или иные статьи общего характера или посвященные каким-нибудь специальным вопросам не этнографического порядка.

Первоначально предполагалось дать более подробные аннотации к каждой статье, чтобы с наибольшой отчетливостью представить все этнографические категории и проблемы, которые разрабатывались Отделом: от этой мысли пришлось отказаться в процессе работы, так как это увеличило бы размер указателя почти вдвое и сделало бы затруднительным (если не совсем невозможным) появление его в печати. Материал расположен нами в хронологическом порядке, чтобы иметь возможность отчетливее проследить историю этнографических изучений в Отделе. Алфавитный же указатель авторов, также как и указатель народностей, приложены в конце; от подробного предметного указателя пришлось отказаться по тем же материальным затруднениям.

Перечень периодических изданий Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества.

Записки Сибирского Отдела Р.Г.О. т. I—XI. 1856—1874.

Записки Восточно-Сибирского Отдела Р.Г.О. т. XII. 1886.

Записки Вост.-Сиб. Отдела Р.Г.О. по Отделению Статистики, т. I. 1889.

Записки Вост.-Сиб. Отдела Р.Г.О. по этнографии, т. I—III. 1889—1896.

Записки Вост. Сиб. Отдела Р.Г.О. по Общей Географии т. I 1890.

Известия Сибирского Отдела Р.Г.О., т. I—VIII. 1870—1877.

Известия Восточно-Сибирского Отдела Р.Г.О., т. IX - XLIX. 1878—1926.

Труды Восточно - Сибирского Отдела Р.Г.О., т. 1—5. 1896—1911.

Этнографический Бюллетень, Вост. Сиб. Отд. Р.Г.О. в. 1—4. 1922—1923.

Бюллетень Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. №№ 5—6. 1924—1925.

Сибирская Живая Старина, в. 1 — 6. 1923—1926.

Бурятоведческий Сборник, в. 1 — 2 1925—1926.

1856 1. **Бакшевич, Н.** Описание реки Иркута от Тунки до впадения в Ангару. Зап., кн. I; стр. 1—52. [На 20 стр. характер с. Тункинского; земледелие].

2. **Хитров, Н.** Описание Жиганского улуса. Зап., кн. I; стр. 55—48 [Якуты: быт, нравы, обычаи, занятия, астрономические познания, меры наказания].

3. **Сельский И.** Описание дороги от Якутии до Средне-Колымска. Зап., кн. I; стр. 87—108. [Общие замечания о быте населения]. [На стр. 10—Краткий якутский словарь].

4. **Перминкин.** Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив. Зап., кн. II; стр. 3—78. [Быт и промыслы тунгусов, гольдов, мангунцев, самогирцев и гиляков].

5. **Костров, Н. А.** Народные приметы крестьян-старожилов Минусинского округа. Зап., кн. II; стр. 15—19 (смесь).

6. **Костров, Н. А.** Юраки. Зап., кн. II; стр. 19—32 (смесь. [Лингвистические данные, физич. тип., жилища, историч. данные, семейный быт, песни, свадебн. обряды, промыслы].

1857 7. **Свербеев, Н.** Описания плавания по реке Амуру экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири, в 1851 г. Зап., кн. III; стр. 1—79 [орочены и манегры; рисунки].

8. **Аргентов, А.** Описание Николаевского Чаунского прихода. Зап., кн. III; стр. 81—106. [Стр. 91—96—чукчи и якуты: жилище, одежда, праздники, свад. обряды, музыка, шаманство, народная поэзия, сельск. хозяйство, собаководство, промыслы. Прибавление: чукотское предание о существовании земли на Ледовит. море].

9. **О новом пути из Николаевского поста,** что на р. Амуре, в Удский острог, по сев.-вост. берегу близ Охотского моря (с картою). Зап., кн., III; стр. 1—16 (смесь) [стр. 5—6: сведения о тунгусах].

10. **Давыдов,** Обон. Зап., кн. III; стр. 15—18 (смесь).

11. **Аргентов, А.** Путевые записки в приполярной местности. Зап., кн. IV; стр. 1—59. [быт, промыслы, верования, обряды якутов и чукчей. Изображения чукчей].

12. **Костров, Н. А.** Очерки Туруханского края. Зап., кн. IV; стр. 61—175. [Тунгусы, остяки, юраки, семейный быт, одежда, народная медицина, поэзия].

13. **Костров, Н. А.** Бельтиры. Зап., кн., IV; стр. 4—10 (смесь). [Общие сведения, численность, язык, одежда, семейный и хозяйственный быт].

14. **Свербеев.** Путевой журнал купца Михаила Барамыгина, во время поездки из Нижнеколымска в Анюйскую крепость в 1855 г. Зап., кн. IV; стр. 12—22 (смесь). [Чукчи: жилища, одежда, пища, жертвоприношения].

1858 15. **Гаупт, В.** Заметки на пути из Кяхты в Ургу в 1850 г. Зап., кн. V; стр. 1—100. [Общие замечания о монголах; стр. 20—объяснение монголами грома и молнии; 26—описание внешнего вида и значение „обо“; 34—поверие о „белом дереве“; 80—описание „дацана и богослужения в нем; 50—борьба монголов. С 2 рисунками].

16. **Пейзын, Г.** Минусинский округ, Енисейской губ., в сельско-хоз. отношении. Зап., кн., V; стр. 119—176. [Народно-хозяйственный календарь русского населения и промыслы].

17. **Костров, Н. А.** Об ученой экспедиции в Минусинский край. Зап., кн. V; стр. 13—17 (смесь). [Древности Минусинского округа].

18. **Костров, Н. А.** Святки в Минусинском округе Енисейской губернии. Зап., кн. V; стр. 26—33 (смесь). [Русское население: святочные вечера, двадцать загадок, святочные песни].

1863 19. **Павловский, А.** Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку. Зап., кн. VI; стр. 1—24. [Якуты и тунгусы. Семейный и экономический быт. Взаимоотношения якутов и тунгусов].

20. **Кривошапкин, М.** Об остяках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского округа. Зап., кн. VI; стр. 39—86. Предисловие. А. Остяки. Происхождение, историч. данные, их настоящее. Б. О тунгусах. В. Самоядь. Г. Якуты. [Стр. 58—64—семейные отношения, брачные и похоронные

обряды остяков; 77—верования тунгусов, шаманство].

21. **Кларк, П.** Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе. Зап., кн. VI; стр. 87—96. [Стр. 93—верования тунгусов, брачные обряды, обряды при шаманском лечении, похоронные обряды].
22. **Костров, Н. А.** Койбалы. Зап., кн. VI; стр. 109—118 (смесь). [Сведения о кочевых инородцах].
23. **Костров, Н. А.** Шушенская волость Минусинского округа. Зап., кн. VI; стр. 118—126 (смесь).
24. **Костров, Н. А.** Бирюсы. Зап., кн. VI; стр. 126—131 (смесь). [Происхождение их рода].
25. **[Мордвинов].** Сообщение о туземцах. Зап., VI; стр. 7—8 (летопись).

1864

26. **Брылкин, А.** Письма с Сахалина. Зап., кн. VII; стр. 1—55. [Сведения о племени айнов: происхождение, физич. тип, язык, одежда, жилища, промысла, быт, верования, нравы, взаимоотношения с японцами; сведения о племени орокэсах. Импровизационные песни айнов].
27. **Шишмарев, Я.** Сведения о Халхасских владениях. Зап., кн. VII; стр. 55—90. [Стр. 86—87—брачные отношения и обычаи монголов].
28. **Кларк, П.** Вилюйск и его округ. Зап., кн. VII; стр. 90—165. [Якуты: одежда, нравы и обычаи, свадебные похоронные обряды верования, одежда шамана, празднование весны—праздник Ысэх].
29. **Ушаров.** Из путевых записок по Восточной Сибири. Зап., кн. VII; стр. 206—241. [Описание поездок в сс. Урик и Грановщину, Ирк. уезда].
30. **Брылкин, А.** Краткий очерк о туземцах Уссурийского края. Зап., кн. VII; стр. 1—19 (смесь). [Сведения о ходзенах].
31. **Гаупт, В.** Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушинской волости Минусинского округа. Зап., кн. VII; стр. 16—32 (смесь).
32. **Малевич.** Поездка в Цицикар в 1863 г. Зап., кн. VII; стр. 32—47 (смесь). [Путевые заметки о жителях попутных деревень].
33. **Костров, Н. А.** Список каменным изваяниям, находящимся в Минус. окр. Енис. губ. Зап., кн. VII; стр. 77—83 (смесь). [Стр. 79—предание татар о трех намнях].
34. **Обзор действий** Сиб. Отд. в первое десятилетие его существования с 1851 по 1861 г. Зап., кн. VII; стр. 1—30. [экспедиции: вилюйская, амурская, отдельные малые экскурсии].
35. [**Стуков, К.** О пище монголо-бурят]. Отчет; стр. 25—30.
36. **Стуков, К.** Описание „дор·дила“ и „очира“. Отчет; стр. 30—33 [музык. инструменты].
37. [**Село Голоустное**] Отчет; стр. 36—39. Легенды о происхождении; легенда о белой березе; бурят. легенда о Николае чудотворце].

1865

39. **Крапоткин, П.** Две поездки в Маньчжурию в 1864 году. Зап., кн. VIII; стр. 1—121. [Солоны, дауры, орочены, китайские фермы и кумирни].
40. **Стуков, К.** Очерки монголо-бурят, кочующих в Восточной Сибири. Зап., кн. VIII; стр. 121—172.
41. **Скороговоров, Н.** Описание Енис. губ. (из дорожных записок о Восточной Сибири). Зап., кн. VIII; стр. 1—76 (смесь). [Стр. 3—легенда о р. Амыл].
42. **Чудовский, В.** Историко-этнографический очерк Иркутской губернии. Зап., кн. VIII; стр. 77—97 (смесь) [народности, заселяющие Ирк. округ: русские, буряты, тунгусы, якуты, карагазы, поляки, татары и различн. кавказские народы, евреи, немцы. Приложение: этнографич. карта Ирк. губ].
43. **Костров, Н. А.** Этнографические заметки о кизильских татарах. Зап., кн. VIII; стр. 97—121 (смесь). [О бразном союзе у кизыльцев; два куплета из татарской песни.]
44. **Хилковский, Н.** Первая путевая записка о поездке в китайский город Хайлар. Зап., кн. VIII; стр. 149—156 (смесь).
45. **О туруханской экспедиции.** Отчет; стр. 2—8 [работы Щапова].
46. **Крапоткин, П. А.** Поездка в Окинский караул. Отчет; стр. 22—35.
47. **Павлуцкий.** О раскопке курганов в Нерчинском округе. Отчет; стр. 42—49. [О происхождении сибирской чуди].

1867

48. **Крапоткин, П. А.** Поездка в Окинский караул. Зап.,

кн. IX—X; стр. 1—95 [буряты, русские, карагасы. Очерки экономического быта. Верования и поверья. Надписи на утесах, музык. инструменты, карагасский словарь].

49. **Лопатин, И.** Краткий отчет о действиях Витимской экспедиции в 1865 г. Зап., кн. IX—X; стр. 508 - 527. [стр. 24—сведения об ороченах].

50 **Сельский, И.** Путь до Култука по направлению в Тункинский край. Зап., кн. IX—X; стр. 527—567. [стр. 541—поговорки каторжных; 542—поговорки бурят].

51. **Палладий.** Путевые записки китайца Джан-Дэ-хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия. Зап., кн. IX—X; стр. 582—592. [Исчисление месяцев—по восхождениям луны; жертвоприношения у монголов].

1868 52. **Чукотская экспедиция.** Отчет; стр. 2—9.

53. **Изыскания шт.-кап. Н. М. Пржевальского** в За-Уссурийском крае. Отчет; стр. 12—17.

54. **Пржевальский, Н. М.** Инородческое население южной части Приморской области. Отчет; стр. 89—103. [китайцы, тазы или орочи, гольды, корейцы].

55. **Поляков, И. С.** Отчет о поезде в Восточные Саяны. Отчет; стр. 109—196. [Жители Лиственичной и Култука. Буряты и их занятия. Положение медицины. Религиозные обряды. Культурное взаимовл. бур. и рус. насел. Предание о белой березе. Тункинские курганы и отношение к ним жителей. Казаки пограничных караулов. Связь их с бурятами. Тунгусы. Соболь и прибайкальские зверовщики. Словарь тунгусский].

1869 55-а. **Экспедиция** в Чукотский край. Отчет; стр. 4—7.

56. **Занятия, Н. М. Пржевальского** в Амурском крае. Отчет; стр. 7—10.

1870 56-а. **Этнографическая экспедиция** в Амурский и Южно-Уссурийский край, под начальством архимандрита Палладия, начальника Пекинской духовной миссии. Изв., т. I, № 1; стр. 4—5. (Журнал Общего Собрания).

57. [**Майдель** барон]. Сведения о чукотской экспедиции. Изв., т. I, № 1; стр. 30—31.

58. **[Добротворский]**. Южная часть острова Сахалина. Изв., т. I, № 2 - 3; стр. 18—34. [Стр. 26—гл. жители: айны—история рода и заселения; физ. тип, одежда, жилища, занятия, пища, развлечения, обычаи, нравы, право, верования, религиозные обряды, медицина; японцы—численность, занятие, жилища, быт, болезни, взаимоотношения с айнами].

59. **[Апакидзе].** Поездка к границам Монголии. Изв., т. I, № 2—3; стр. 53—55. [Сведения о монголах].

60. **Павловский, А.** Несколько слов о демонологии якутов. Изв., т. I, № 2—3; стр. 69—72. [Верования якутов, название демонов, значение и роль их в жизни якута].

1871 61. **[Нейман, К. К].** Исторический обзор действий чукотской экспедиции. Изв., т. I, № 4—5; стр. 6—31. (Чукчи: одежда, жилище, пища, средства передвижения, верования, жертвоприношения].

62. **Ровинский, П. А.** Сообщение о поездке его на Тунку и на Оку до Окинского караула. Изв., т. I, № 4—5; стр. 31--52. [Русское население. Ясашные. Влияние туземных племен. Краткие сведения о народной поэзии. Наречие].

63. **Ровинский, П. А.** Рецензия на раб. д-ра Н. А. Кашина. „Зоб и кретинизм вне—и в пределах России, в особенности в Приленской долине и по другим окрестностям Ирк. губ.“ 1871 Ирк. Изв., т. I, № 4—5; стр 90—87. [Стр. 9—занятия и промыслы жителей].

64. [**О поездке Ровинского** по Восточной Сибири]. Изв., т. II, № 1;стр. 3—4. Журнал Общего собрания СОРГО (2 окт. 1870 г.).

65. **Бутины, бр.** Описание пути с границы Нерчинского округа в Тяньдзин. Изв., т. II, № 1 - 2; стр. 1—30. [Легенды. Праздники. Похоронные обряды].

66. [**Майдель** барон]. Ответы чукотской экспедиции на вопросы академика Бера. (Составлены начальником экспедиции бароном Майделем). Изв.,

т. II, № 1—2; стр. 60—70. [68 стр.—гл. VIII—о некоторых религиозных представлениях и преданиях чукчей].

67. **О поездке Ровинского** в Тунку. Изв., т. II., № 3; стр. 4—6. (Журнал Общего Собрания 11 дек. 1870).

68. **Нейман, К.** Исторический обзор действий чукотской экспедиции. Изв., т. II, № 3; стр. 7—28 [рассказ старика юкагира о погонях за бородатым великаном на одном из островов; религиозные обычаи и суеверия, предания и сказания чукчей].

69. **Шишмарев, Я. П.** Сведения о дархатах-урянхах ведомства Ургинского Хутукты. Изв., т. II, № 3; стр. 38—43. [Дархаты. Повинности. Верования. Тип и язык. Одежда. Образ жизни. Занятия. Пища, обряды при рождении и проч. Грамотность].

70. **Калачов, Н. В.** Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Ирк. губ. в 1766 г. Изв. т. II, № 3; стр. 43—45. [Тунгусы. Пешие коряки].

71. **Ровинский, П. А.** Сообщение о поездке его по Ангаре и Лене. Изв., т. II, № 3; стр. 45—62. [Физич. тип населения; буряты, тунгусы, русские; говор, промыслы, жилища; общий вид селения; общинный быт; звероловство, костюм лоцмана].

72. **Ровинский, П. А.** Между Ангарой и Леной. Изв. т. II; № 4; стр. 5- 20. [Общая характеристика русск. населения. Тексты песен].

73. **Ровинский, П. А.** Этнологические исследования в Восточной Сибири. Отчет; стр. 9 - 11.

74. **Добротворский, М. М.** Исследования айнского языка. Отчет; стр. 130—131.

75 **[Нейман, К. К.]**. Об обработке материалов чукотской экспедиции. Отчет; стр. 34—35.

1872 76. **О поездке Ровинского за Байкал.** Изв., т. II № 1; стр. 4—5 (журнал общего собрания 3 нояб. 1871 г.)

77. **[Нейман К. К.]** Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области. Изв , т. 3, № 1: стр. 32 55. [Взаимоотношения туземных племен; пища, домашние животные; рыболовство; охота, собаководство; чукчи].

78. **[Нейман К. К.]** Тоже (Окончание) Изв., т. III, № 2, стр. 57—69. [Неводьба. Чукотские ярмарки]

79. **Ровинский П. А.** Этнографические исследования в Забайкальской области. Изв., т., III, № 3; стр. 120—133. [Изменения русского типа; история и статистика русского населения; типы русск. населения; характер; духовные стихи семейских; быт семейских].

80. **Щапов, А. П.** Историко - географическое и этнологические заметки о сибирском населении. Изв., т. III; № 3; стр. 142—159. 1. Изменения славяно-русской народности в сибирском населении.

81. **Щапов, П. А.** [Тоже] (продолжение). Изв., т. III, № 4; стр. 185—204.

1873 82. **Ровинский, П. А.** Письмо о путешествии по Амуру. Изв., т.. IV, № 1; стр. 1—11, (журнал общего собрания 6 нояб. 1872).

83. **Ровинский, П. А.** Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь. Изв., т. IV, № 1; стр. 17—32

84. **Павловский, А.** Заметка о Вилюйском крае. Изв., т. IV, № 1; стр. 32—42. [Стр. 34—37—растения, употребляемые якутами в качестве питательных веществ и лекарственных трав].

85. **Щапов, П. А.** Историко-географические заметки о Сибири. Изв., т. IV, № 3; стр. 66—82.

86. **Павловский, А.** Заметки о Вилюйском крае (окончание). Изв., т. IV, № 2; стр. 82—91.

87. **Ровинский, П. А.** Материалы для этнографии Забайкалья (продолжение). Изв., т. IV, № 2; стр. 98—107. II. Численность семейских и экономическое значение населения. Общая характеристика семейских. Отношение к ним светской и духовной власти. Духовный стих.

88. **Ровинский, П. А.** То же (продолжение). Изв., т. IV, № 3; стр. 113—132. [Семейские на Бичуре. Семейный и хозяйственный быт. Народная поэзия].

89. **Елизов, Ф. В.** Рыбная и звериная промышленность по берегам оз. Байкала. Изв., т IV, № 4; стр. 168—180.

1874 90. **Усольцев, А. Ф.** Доклад о летних и текущих занятиях Отдела. Изв., т. V, № 1; стр. 1—10.

[стр. 2—5: путешествие Ровинского по Восточной Сибири].

91. **Щапов, А.** Сибирское общество до Сперанского (окончание). Изв., т. V, № 1; стр. 28—42. [Стр. 31—„солдатская ода", 1802 г. из рукописных Иркутских сборников XIX столетия].

92. **Павлинов, Д.** Юридический быт скопцов Мархинского селения, Якутского округа. Изв., т. V, № 3—4; стр. 122—128.

93. **Щапов, А.** Бурятская улусная родовая община. Изв., т. V; № 3—4; стр. 128—146.

1875

94. **Щапов, А.** Сельско оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинско-Ленском крае. Изв., т. VI, № 3; стр. 97—132.

95. **Щапов, А.** Физическое и этнолого-генеалогическое развитие Кудинского и Верхоленского населения. Изв., т. VI, № 5—6; стр. 189—200. 1 Развитие уродств между бурятами кудинского, верхоленского и ленского ведомств и влияние на него замкнуто-родовоге генезиса.

96. **Экспедиция А. П. Щапова.** Изв., т. VI. № 5—6; стр. 220—226. (Отчет за 1874 г.).

1876

97. **Щапов, А.** Физическое развитие Верхоленского населения. Изв., т. VII, № 2—3; стр. 37—69

98. **Попов, Н.** О чудских могилах Минусинского края. Изв., т. VII, №2—3; стр. 69—78.

99. **Попов, Н.** То же (продолжение) Изв., т. VII, № 4—5; стр. 127—145. [С рисунками].

1877

100. **Попов, Н.** То же (продолжение) Изв., т. VIII, № 1—2; стр. 30—40.

101. **Сибирское предание о белой березе.** Изв., т. VIII, № 1—2; стр. 40 [Предание бурят Нижнеуд. округа о внезапном появлении „белого леса"]

102. **Нейман, К. К.** Плавание по Восточному Океану. Изв., т. VIII, № 1—2; стр. 43—56 [Сведения о чукчах).

103. **Нейман, К. К.** То же (продолжение). Изв, т. VIII, № 3—4; стр. 87—91. [Сведения о чукчах].

104. **Попов, Н. И.** О чудских могилах Минусинского края (окончание). Изв, т. VIII, № 3—4; стр. 94—108.

105. **Попов, Н. И.** О древних могилах близ дер Бальдзы. Изв., т. VIII, 3—4; стр. 111—115. [Описание могил; предание о их происхождении].

106. **Большев, Л. А.** Русское прибрежье Тихого Океана. Изв., т. VIII, № 3—4; стр. 135—244. [Сведения о тазах племени тунгусах, гиляках и орочонах—стр. 140—143].

107. **Нейман, К К.** Плавание по Восточному Океану (окончание). Изв., т. VIII, № 5—6; стр. 147—155. [О промыслах на Командорских островах].

108. **Гребницкий, Н.** Значение китайско-корейского элемента в деле колонизации Южно-Уссурийского края. Изв., т. VIII, № 5—6; стр. 155—163. Корейцы (каули).

109. **Миллер, Ф.** Этнография Аляски. Изв., т. VIII, № 5—6; стр. 162—170. [Народности; жилища, пища, верования, медицина, похороны—племени тунгусов; одежда, жилища, занятия, пища, праздники, погребения—алеутов; физич. тип, татуировка, одежда, взаимоотношения, занятия, дома, деление на рода, браки, свад. обряды, нравы, похороны, праздники, праздник „возношения умерших", религия, легенды—у тлинкэтов].

1878

110. **Гребницкий, Н. А.** Этнографический очерк Южно-Уссурийского края. Изв., т. IX, № 1—2; стр. 38—56. [Китайцы (маньцзы). Разведение жень-шеня. Промыслы].

1880

111. **Первый бурятский шаман „Моргон—хара".** Изв., т. XI, № 1—2; стр 87—89. [Бурятское предание о первом шамане].

112. **Первый шаман Бохоли-хара.** (Вариант легенды о первом шамане у Кудинских бурят; записано со слов шамана Манжу). Изв., т. XI, № 1—2; стр. 89—90.

1881

113. **Национальный праздник у бурят.** Изв, т. XI, № 3—4; стр 30—31. [„Праздники стрельбы"].

114. **Вагин, В. И.** Заметки об общинном быте Забайкальских казаков III пешего отдела. Изв, т. XII, № 1—2; стр. 13—29. [Местность, население, статистич. таблицы, земледелие, скотоводство, огородничество, промышленность и торговля].

1882 115. **Писарев, М. Я.** О народах Амурского края в историко-географическом и антрополого-этногогическом отношениях (по Шренку). Изв., т. XIII, № 3; стр. 10—36. [Народности. Внедрение русских. Физич. тип. народностей. Гиляки. Айны. Тунгусские народы: дауры, солоны, маньчжуры, гольды, орочи, орочоны, манэгиры, бираты, килы, ольтша, негда и самогиры]

116. **Горохов, Н.** Материалы для изучения шаманства в Сибири. Следы шаманства у якутов. Изв., т. XIII, № 3; стр. 36—39 [Ответы на программу Г. Н. Потанина по сравнительному изучению животного мифического эпоса у народов севера Сибири].

1883 117. **Агапитов, Н. Н.—Хангалов, М. Н.** Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губ. Изв., т. XIV, №№ 1—2; стр. 1—61. [Божества, священные жертвоприношения. Жертвоприношения и гадания. Посвящение шамана. Похороны его. Представления о загробной жизни].

118. **Горохов, Н.** Кинитти (отношения женщины к родным ее мужа у якутов). Изв., т. XIV, №№ 1—2; стр. 71—72

119. **Назаров, А. Ю.** Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области (с рисунками). Изв., т. XIV, №№ 1—2; стр. 1—9 (приложение). [Экономические условия; занятие, жилища, средства предвижения. 18 рис. и карта].

120. **Горохов, Н. С.** Дневник пути от Верхоянска до верховья р. Дулгалаха и обратно. Изв., т. XIV № 4—5; стр. 1—14. [Описание местности и занятия жителей].

121. **Горохов, Н.** Старый тракт от Верхоянска в Якутск Изв., т. XIV, № 4—5; стр. 14—20. [Описание местности и сведения о якутах]

122. **[Агапитов, Н. Н.]** Речь правителя дел, Н. Н. Агапитова по поводу открытия нового здания музея В.С.О.Р. Р.Г.О. Изв. т. XIV, № 4—5; стр. 30—32. [Краеведческие задачи].

1884 123. **Дуброва Я. П.** Поездка в Монголию в 1883 г. Изв., т. XV, № 1—2; стр. 1—92. [Перечень этнографических предметов, собранных автором. Население Тунки. Монгольские предания о своем роде. Культурные взаимоотношения русских и бурят. Местные предания. Верования и предания. Жертвоприношения. С рис. и карт.].

124. **Дуброва, Я. П.** Поездка в Монголию в 1883 г. (продолжение) Изв., т. XV, № 3—4; стр. 1—33. [Жилища монголов; божницы монголов и бурят; предание о народе кергес; характер монгольцев; эксплоатация их русским населением; монгольский певец; стрельба в цель; монастыри; сагданы и дархатцы].

125. **Приклонский, Н. П.** Сведения для изучения шаманства у якутов Якутского округа. (Собраны по программе Н. А Агапитова). Изв., т. XV, № 3—4; стр. 59—66. [Религиозные воззрения якутов; демонология; предание о первом кузнеце; представления о душе и смерти; словарный материал; обряд посвящения; шаманский костюм; похороны шаманов].

126. **Дуброва, Я. П.** Поездка в Монголию в 1883 г. (продолжение). Изв., т. XV, №5 —6; стр. 1—43. [Наблюдения над экономическим бытом; три монгольских жертвенных обо; жилища монголов; буддизм; легенда о пещере и знаменитом революционере Шадар-Ване; песнь; китайская фанза; быт китайцев в Монголии; праздники обо].

127. **Горохов, Н.** Юрюнг-Уолан Якутская сказка. Изв., т. XV, № 5—6. стр. 43—60.

1885 128. **Дуброва, Я. П.** Поездка в Монголию (продолжение). Изв , т. XVI, № 1—2 —3; стр. 24—237. [Китайцы и монголы. Ламы. Наказания у монголов. Семейно-хозяйственный праздник монголов. Этические представления. Приветствия. Пища. Кочевья].

129. **Черский, И. Д.** Естественно-исторические наблюдения и заметки, деланные по пути от. г. Иркутска до с. Преображенска по р. Нижней Тунгуске. Изв., т. XVI, № 1—2—3; стр. 238—309. [Стр. 267—274—сведения о тунгусах].

130. **Шиманьский, А.** Пища якутов. Изв., т. XVI, № 1—2—3; стр. 319—319. [Хлеб. Мясо. Рыба. Молочные продукты. Чай].

1886

131. **Кирилов, Н.** Поездка в Нижнеудинск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. Изв., т. XVII, № 1—2; стр. 1—83. [Рыбацкий быт и рыболовство. Бурятские юрты; бурят. музыка; бродячие тунгусы; тунгусы-рыболовы].

132. **Приклонский, В. Л.** О шаманстве у якутов. Изв., т. XVII, № 1—2; стр. 84—118. [Шаманство. Обряд посвящения. Предание о первом шамане. Шаманская мистерия. Якутская мифология и демонология. Загробная жизнь. Космогонические легенды. Присяга].

133. **Попов, А.** О верованиях якутов; Якутской области. Изв., т XVII № 1—2; стр 119—134. [Шаманство и борьба с ним. Обряды: свадебные, при родах; почитание огня. Сновидения. Божества. Костюм шамана. Похороны. Представления якутов о соседних народах].

134. **Приклонский, В. Л.** „О шаманстве у якутов", и **Копылов, В.** — О религиозных верованиях, обрядах и жертвоприношениях северо-байкальсих бурят-шаманистов. [Программы их работ]. Изв., т. XVII, № 1—2; стр. 137. (Отчет за 1885 г.).

135. **Кириллов, Н.** Отчет по командировке на Селенгинские рыбные промысла врача Кириллова в сентябре 1886 г. Изв., т. XVII, № 3—4; стр. 106—151. [Рыболовство и рыбацкий быт].

1887

136. **Приклонский, В Л** Материалы по этнографии якутов Якутской области (продолжение). Изв., т. XVIII, стр. 1—13. II. Встреча весны. Ысыэх. О происхождении якутов. [Жилище. Пища. Утварь. Одежда. Оружие].

137. **Вагин, В. И.** Нынешняя деревенская песня. Изв., т. XVIII, стр. 14—92. Песни проголосные. Плясовые и хороводные. Свадебные. Величанья. [78 текстов].

1888

138. **Березовский.** Сообщение о тунгусах. Изв, т. XIX, № 1; стр. 31—34. (Действия Отдела).

139. **Хангалов, М. Н.** Зэгэтэ-або Облава на зверей у древних бурят. Изв., т. XIX, № 3; стр. 1—26. [Обава на зверей у древних бурят. Легенда о прекращении обычая умерщвлять стариков].

140. **Клеменц, Д.** Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа. (Материалы для изучения миросозерцания сибирского сельского населения). Изв., т. XIX, № 3; стр. 27—45. [О сохранении русского старинного фольклора в далеких местах Сибири; источники предлагаемых материалов; происхождение молитв, наговоров и присяг; тексты]

141. **Бобырь, Н. П.** Отчет о второй половине Саянской экспедиции. Изв., т. XIX. № 3; стр. 72—74. (Действия Отдела).

132. **Сообщение В. В. Птицына** о Тамирской сельской общине и прения по его докладу. Изв., т. XIX, № 3; стр. 83—85. (Действия Отдела).

143. **[Писарев, М. Я.]** Сообщение об облаве на зверей у древних бурят. Изв, т. XIX, № 3; стр. 88. (Действия Отдела).

144 **Козлов, Н. Е.** [„О системах и нуждах земледелия Иркутского округа"]. Изв., т. XIX, № 4; стр. 69—78. (Действия Отдела).

145. **Юнгебэнд.** Путешествие Юнгебэнда из Пекина в Кашмир через проход Мустаг. Изв., т, XIX, № 5; стр. 48—58. [Сведения о туземцах].

146. **[Астырев, Н. М.]** Сообщение о выборе руководящих признаков для анализа обстоятельств, обусловливающих благосостояние населения Ирк. губ. Изв., т XIX, № 5; стр. 73—83. (Действия Отдела).

1889

147. **Клеменц, Д. А.** Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Каинский округа. Изв., т. XX, № 1; стр. 43—69. [этнографические данные о кизыльцах; предания о старожилах; шаманство; кизыльский орнамент. Карагассы; деление на роды; физический тип].

148. **Личков, А.** Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах (изложение доклада). Изв., т. XX, № 2; стр. 45—53. (Действия Отдела).

149. Монгольское „Нор" в Германии. Изв., т. XX, № 3; стр. 74

150. Ядринцев, Н. М. Отчет о поездке в Монголию и вершины Орхона. Изв., т. XX, № 4; стр. 1—13. [Этнографические наблюдени над бытом приорхонских монголов].

151. О поездке Потанина в Ургу, Изв., т. XX, № 4; стр. 7. (Отчет за 1888 г).

152. Хангалов, Н., Затопляев, Н. и др. Бурятские сказки и поверья. Зап., по этнографии, т. I, вып. I стр. 1—159. [50 текстов сказки. Предания о животных. Космогонические предания. Примечания **Г. Н. Потанина** и **И. Подгорбунского**].

1890

153. Молодых, И. А. Промыслы в Хомутовской волости (с 2-мя цифров. таблицами). Изв, т. XXI, № 1; стр. 31—59. [Лесной материал. Извозный промысел Торговля. Экипажники и тележники. Таблица].

154. Вамбоцыренов, И. Аба-хайдак, облава у хоринских бурят. Изв., т. XXI, № 2; стр. 29 - 35.

155 Потанина, А В. Молочное хозяйсто у бурят Верхнеудинского округа. Изв., т. XXI, № 2; стр. 35—41.

156. В-ский (Виташевский), Н. Материалы для изучения якутской народной словесности. Изв., т. XXI, № 2; стр. 41—57. [Лирические песни на якут. и рус. языках].

157. Сообщение И. А. Подгорбунского. О буддийском рае Суковади. Изв., т. XXI, № 2; стр. 21—27. (Действия).

158. [Клеменц, Д. А.] О задачах этнографического изучения бурят. Изв., т. XXI, № 2; стр. 32—34. (Действия).

159. Потанин, Г. Бурятские названия растений. Изв., т. XXI, № 3; стр. 64—66

160. Африканов, А. Урянхайская земля и ее обитатели. Изв., т. XXI, № 5; стр. 34—59. Пространство и поверхность. Орошение. Река Енисей (Улукхем) и ее притоки. Естественные богатства края. Население. Внешняя обстановка жизни: жилища, пища, одежда].

161. Сказания бурят, записанные разными собирателями. Зап. по этногр. т. I; вып. 2; стр. 1—159 [Эпические сказания. Сказки. Космогонич. предания. Сказки о животных. Первые шаманы. Предания о переселении. Примечания **Г. Н. Потанина**].

162. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе **И. А. Худяковым.** Зап., по этногр., т. I, вып 3; стр. 1—314. Предисловие. I. Пословицы и поговорки. II. Песни. III. Якутские загадки. VI. Русские сказки у якутов Верхоянского округа. 1. Илья Муромец. 2. Старец Пилигрим. VII. Русские сказки, рассказываемые в с. Русское Устье. VIII. Песни запис. от уроженца Русского Устья. 1. Алеша. 2. Царь Елизар. 3. Милославский.

163 Хангалов, М. Н. Новые материалы о шаманстве у бурят. Зап., по этногр., т. II, вып. I; стр. 1—144. I. Высшие существа. Тэнгрин. II. Онгоны. III. Души умерших шаманов. IV. Обряды и жертвоприношения. Объяснение рисунков.

164. Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. (с 10 таблиц. рисунков). Зап., по этногр., т. II, вып. 2; стр. 1—51:

Затопляеев Н. И. Некоторые поверья аларских бурят. Стр. 1—9. Песня о буряге, распятом в Иркутске. Анахам. Об аршанах или целебных ключах. Обряд после удара молнии. Опекуны девиц. Зурук-так-ончон (с рисунком). **Баторов, П. П.** Бурятские поверия о бохолдаях и анахаях. Стр. 10—14. [Поверья о душах умерших шаманов и шаманок и злых, поганых существах]. **Хангалов, М. Н.** Суд заянов над людьми. Стр. 15—17. **Хангалов, М. Н.** Предания и поверья унгисских бурят. Стр. 17—25. [О деревьях, которые служат местопребыванием духов; о мельнице и музыкальн. инструменте— „хур"; о „семи рождениях„; о кастрировании енота; о горе „Хӧмӧр-ула и море „Хун-далай"; о собачьем царстве „нохой-хани-урам"; о „трех умных братьях Гургалдаевых"; о бурятском племени Экирит"; о племени Сартул"; о „монгольском начальнике Шудармане"; о о том, как Тумушин-начальник облавщиков сделался ханом и почему получил имя Чингис-богдо-хан; о „ду-

шех тэнгэри"; о „первом весеннем громе"; о найжнях—врачах-шаманах]. **Клеменц, Д.** Несколько образцов бубнов минусинских инородцев. (С 9 табл. рисунков). [Легенда о первом каме]. **Виташевский, Н. А.** Материалы для изучения шаманства у якутов, стр. 36—48. [Мистерии и заклинания]. **Приклонский, Н.** [О некоторых божествах якутов. Стр. 48—51. Обряд убиения стариков, детей. Космогоническая легенда. Обряд - оберегание от воров. Рисунки].

165. Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Зап., по географ., т. I, вып. I; стр. 1—282. [Всюду в тексте разбросаны отдельные замечания о быте населения, его экономическом быте и верованиях, предания].

1891 **166. Подгорбунский. И.** Идеи бурят шаманистов о душе, смерти, загробном мире и загробной жизни. Изв., т. XXII, № 1; стр. 18 -33. [Шаманские верования и поверья о явлениях жизни и смерти].

167. [Клеменц, Д. А.]. Сообщение о свадебных обрядах у забайкальских бурят. Изв., т. XXII, № 1; стр. 10—12. (Действия Отдела).

1892 **168. Подгорбунский. И.** Материалы для характеристики ламской астрологии. Изв., т. XXIII, № 2; стр. 40—61. [Астрологические календари и таблицы].

169. Клеменц, Д. А. Заметка о тюсях. (Über. die Götzen der Minussinichen Tataren). Изв., т. XXIII, № 4—5; стр. 23—25. [Замечания о кизыльцах и их верования; список тюсей—божественных изображений шаманского культа и описание их].

170. Кузнецова, А. Шесть сказок минусинских татар, записанных со слов качинца Т. З. Тутачинова. А. А. Кузнецовой. (Усть - Камышта). Изв., т. XXIII, № 4—5; стр. 36 -45.

171. Шкловский, И. Очерки крайнего северовостока. Ч. I, Зап., по геогр., т. II, вып. II; стр. 1 - 123. [На обложке ошибочно напечатано: т. II, вып. I]. Промыслы и экономич. положение русского населения. Одежда якутов и ламутов; жилища; нравы, некоторые обычаи и приметы; образцы якутского былинного эпоса; местные слова; святочные гадания; список наиболее характерных слов, употребляемых колымчанами, некоторые лингвистические данные].

1893 **172. Потанин, Г. Н.** Путь из Урги в Хлассу через кочевья Голуков. Изв , т. XXIV, № 1; стр. 38 – 43. [Рассказ ламы о его хождении в Хлассу, Записан в Пекине. На 41—42 стр.—материалы о верованиях монголов].

173. Потанин Г. Н. Коллекция буддийских храмовых предметов в Пекине. Изв., т. XXII, № 1; стр. 43 50.

174. [Кириллов, Н. В.]. О тибетской медицине, как части ламайской доктрины (доклад). Изв., т. XXIV, № 1; стр. 57—66. (Действия Отдела).

175. Потанин, Г. Н. О крестообразных фигурах на шаманских бубнах и писанницах. Изв., т. XXVI, № 2; стр. 13 – 20. [Шаманские бубны, их устройство, названия составных частей, значения символических изображений на них].

176. Подгорбунский. И. Воззрения буддийской священной литературы на женщину. Изв., т. XXIV, № 2; стр 21—37. [Исследование священных текстов. Легенды].

177. Шлегель, Г. Вопросы географии. Чужеземные народы у китайских историков. Изв., т. XXIV, № 2; стр 38 – 48. I. Вен-чин-нуо. Страна татуированных. II. Ниу-нуо. Страна женщин].

178. Серошевский, В. Л. О якутских песнях и певцах. Изв., т. XXIV: № 2; стр. 48—55. [Якутское песенное творчество; тексты на русском языке].

179. Потанин, Г. Н. Сайр-усинский почтовый тракт по Монголии. Изв., т. XXIV, № 1; стр. 56 63. [Наблюдения над бытом монголов].

180. [Дубенский, М. М.]. Промышленные артели Енисейской губ. (сообщение). Изв., т. XXIV, № 2; стр. 68—77 (Действия Отдела).

181. [Левин]. О промыслах Причикойского населения Изв., т. XXIV, № 2; стр. 75 79. (Действия Отдела).

1894 **182. Попов, И. И.** Памяти Н. М. Ядринцева и А. В. Потаниной. Изв. т. XXV, № 1; стр. 1—29.

183. Кроль, М. А. Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят. Изв., т. XXV, № 1; стр. 54—87.

184. Талызин, Н. Две урянхайские сказки. Изв., т. XXV, № 1; стр. 97—102.

185. Кытманов, А. И. Три юрацкие сказки. Изв., т. XXV, № 1; стр. 102—104.

186 .Талько-Грынцевич, Ю. [Рецензия на работу А. А. Ивановского: „Антропологический очерк торгоутов Тарбагатайской области, Китайской империи"]. Изв., т. XXV. № 1; стр. 118—123.

187. Чистохин, Я. Материалы по народному творчеству монголов. Изв, т. XXV, № 2—3; стр. 134—141. [Сказка. Песня. Пожелания при выпивке тарасуна].

1895 **188. Ковалик, С. Ф.** Верхоянские якуты и их экономические положение. Изв., т. XXV, № 4 - 5; стр. 1—52.

189. Кроль, М. А. Охотничье право и звериный промысел у бурят. Изв., т. XXV, № 4 5; стр. 52—82.

190. Кытманов, А. Юрацкая сказка про Япта-Солян-Лолэя и про красавицу Нохой. Изв т. XXV, № 4—5; стр. 128—133.

191. Подгорбунский, И. А. Зерцало мудрости, которое рассказав о происхождении царства Сукавади, ясно представит достоинства этого святого царства (перевод с монгольского). Изв., т. XXVII, № 1—2—3 стр. 1—31. [Буддийское предание о небесных царствах—Царство Суковади].

192. Чистохин, Я. 1. Сохор-Ноин (местное предание Тункинских бурят) 2. Инородческие загадки Тункинского края (на наречии сев.-байк. бурят и русский перевод) Изв., т. XXVI, № 1, 2 и 3; стр. 32—33. [Легендарный рассказ о Сохор-Ноине—могучем шамане. Тексты (10 №№) загадок].

1896 **193. Коп, Ф. Я.** Хатын-Арынское скопческое население. Изв., т. XXVI. № 4—5; стр. 58 118

194 Кулаков, П. Е. Буряты Иркутской губернии. Изв., т. XXVI, № 4—5; стр. 118 - 167.

195. Кроль, М. А. Предварительный отчет о работах по исследованию забайкальских бурят за период 1892—1895 г. г. Изв., т. XXIV, № 4—5; стр. 171 183.

196 Геккер, Н Л Три якутские могилы Изв., т. XXVI, № 4 5; стр. 183 - 197.

197. В. С. Е. [Ефремов, В. С.]. Якутский род. Изв., т. XXVI, № 4—5; стр. 206 230. [Якутский род до прихода русских].

198 Чистохин, Я. Две шаманские молитвы, произносимые на тайлаганах (у бурят). Изв., т. XXVI, № 4—5; стр. 282 283.

199. О труде Серошевского – быт якутов]. Изв, т. XXVI, № 4—5; стр. 285—302 (Действия Отдела).

200 Обручев, В. А. Краткий обзор экспедиций, снаряженных Р. Г. О для исследования материка Азии с 1846 по 1896 г. Изв, т. XXVI, № 1; стр. 1—40.

201. Першин, Д. П Краткий очерк 50 л. деятельности Р. Г. О. по этнографии в пределах Азии. Изв, т. XXVI; № 1; стр. 41—85.

202. Программа работ якутской экспедиции. Изв., т XXVII, № 2; стр. 2—10 (Отчет за 1894 г.).

203. О работах М. А. Кроля по изучению юридических обычаев бурят Забайкальской обл. Изв., т. XXVII, № 2; стр. 11—12 (Отчет).

204. О поездке Н. Е. Маковецкого к карагасам. Изв., т. XXVII, № 2; стр 14—15 (Отчет за 1894).

205 О работах якутской экспедиции. Изв., т. XXVII, № 2; стр. 42—47 (Отчет за 1895).

206. О работах М. А. Кроля по этнографии бурят. Изв., т. XXVII, № 2; стр. 47—49 (Отчет за 1895 г.).

207. Стефанович, Я. В От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения (Аянская экспедиция 1894 г.) Зап., по географ. т. II, вып. 3; стр 1—184.

208. Геккер, Н. А. К характеристике физического типа якутов (Антропологический очерк). Зап., по этногр. т. III, вып. I; стр. 1—90.

1897 **209. Левин, Н. П.** Рыболовство и рыбопромышленность

на Ольхоне. Изв., т. XXVIII; № 1; стр. 44—79.

210. О работах якутской экспедиции; сведения о работах И. И. Майнова, Н. Л. Геккера, С. В. Ястремского. Изв., т. XXVIII, № 1; стр. 1—26. (Действия Отдела).

211. О работах якутской экспедиции: Виташевского; о работе по антропометрии якутов—Геккер Н. Л.; антропохогич. исследования якутов—И. И. Майнова; физиологические наблюдения—Ф. Кон; экономические отношения якутов—Левенталь; изучение быта якутов — Пекарский; фольклор якутов—С. В. Ястремский; антрополог., лингвистич. и историч. исследования якутов—В. И. Иохельсон; исследование русск.и чукотского племени Колымского округа—В. Богораз; изучение влияния золотопромышленности на быт якутов — С. Ф. Ковалик. Изв., т. XXVIII, № 3; стр. 1 49. (Действия Отдела).

212. Ястремский, С. В. Остатки старинных верований у якутов. Изв., т. XXVIII, № 4; стр. 226—265. [Роды и связанные с ними обряды и поверья. Присяга и напутствия].

213. Виташевский, Н. А. Изображения на скалах по р. Олекме (из наблюдений во время участия в Алданской экспедиции). Изв., т. XXVIII, № 4; стр. 280—287. [Описание рисунков. Связанные с ними поверья].

214. Речь Д. П. Першина о трудах этнологической секции и роли этнографии в трудах Отдела. Изв., т. XXVIII, № 4; 102—103.

215. Попов, И. И. О заслугах Н. М. Ядринцева в области этнографии и археологии. Изв., т. XXVIII, № 4; стр. 103 101.

216 Якутская былина, сообщенная **С. В. Ястремским.** Изв., т. XXVIII, № 4; стр. 104—106. (Действия).

217. [Николаев, В. А.]. Что такое этнография (изложение доклада). Изв., т. XXVIII, № 4; стр. 110—112.

218. [Ковалик, С. Ф.]. О киренских якутах. Изв., XXVIII, № 4; стр. 112—116.

1898 **219. Прейн, Я.** Материалы для флоры народно-медицинских растений Восточной Сибири. Изв., т. XXIX, № 1; стр. 1—8. [Народно-медицинские растения и научная медицина. Перечень их; библиография].

220. Иохельсон, В. И. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов (с картой маршрутов). Изв., т. XXIX, № 1; стр. 9 - 42. [Якуты. Юкагиры. Язык. Фольклор. Верования. Древний юкагирский род и современные семейные отношения. Антропологические данные. Материальный быт и экономическое положение. Наследство].

221. Суворов, И. и Языков, А. Илимские свадебные песни. Изв., т. XXIX, № 2; стр. 108—192. [Обряд и тексты песен].

222. [О работах В. М. Ионова по шаманству и фольклору якутов]. Изв., т. XXIX, № 2; стр. 59—60. (Действия Отдела).

223. Михаэлис, Е. Де-Геннинг. В северной Монголии. Изв., т. XXIX, № 3; стр. 151—191. [На стр. 187—Краткие сведения о быте урянхов (донва)].

224. [Работы Сибиряковской экспедиции]. Изв., т, XXIX, № 3; стр. 1—90. (Отчет за 1897 г.).

[Стр. 11—16—работа В. Богораза по переписи чукоч и ламутов; раб. В. И. Иохельсона—по быту юкагиров и якутов Колымск. и Верхоянского округа; раб. С. Ф. Ковалика—по исследованию Олекминского округа; раб. Л. Г. Левенталь—по исследованию экономического отношения якутов; раб. В. В. Ливадина—сведения по ремеслам и земледелию якутов; раб. И. Майнова—о тунгусах Якутского округа; раб. В. В. Никифорова—по семейному быту якутов; раб. Э. К. Пекарского—„Словарь Якутского языка"; раб. С. В. Ястремского—по переводу былины с якутского языка].

225. Майнов, И. И. Некоторые данные о тунгусах якутского края. Тр., № 2; стр. 1—214. [Антропологические данные. Рождаемость и смертность. Брачная плодовитость. Эмиграция тунгусов из Якутского края. Рисунок].

1899 **226. Богораз, В. Г.** Краткий отчет об исследования чукоч

Колымского края (с картою маршрутов). Изв., т. XXX, № 1; стр. 1—51. [Чукчи. Фольклор. Антропологический тип. Происхождение чукоч. Обряды и верования. Семейно родовые отношения. Общественная организация. Правовые отношения. Материальный быт и экономическое положение. Торговля. Перечень собранных материалов].

227. **Кауфман, А.** Новый труд по изучению сибирских инородцев. Изв., т. XXX, № 1; стр. 55—85. [По поводу труда А.А. Кузнецова и П. Е. Кулакова.

228. **Левин, Н. П.** Рыболовство и рыбопромышленность в низовьях реки Лены. Изв., т. XXX, № 2-3; стр. 91—130.

229. **Суворов. И.** Еще об Илимских свадьбах. Изв., т. XXX, № 2—3; стр. 165—174. [Обряд и тексты песен].

230. **Стефакович, Я. В.** Река Чуя. С краткими сведениями о ее населении, рыбном и соболином промыслах. Изв., т. XXX, № 2—3; стр. 130—165.

1900

231. **Руднев,** А. Бурин-хан-ула. Изв., т. XXXI, № 1; стр. 26—41. [Жертвоприношения и богослужения Юрта бурят].

232. **Розенбаум, С П. и Арефьев, В. С** Материалы по этнографии Енисейского уезда Енис. губ. Изв., т. XXXI; № 1, стр. 79—117.

233. **Этагоров, И. М.** Свадебный обряд у аларских бурят. Изв., т. XXXI. № 1; стр. 150—162. [Свадебный обряд. Правовое положение женщины у бурят].

234. **Подгорбунский, И. А.** Буддизм, его история и основные положения его учения. Тр., т. 3; стр. 1—248. Вып. I. Очерк истории буддизма.

1901

235. **Арефьев, В. С.** Материалы по этнографии. Енисейского уезда Енисейской губернии. Изв., т. XXXII, № 1—2; стр. 65—140. [I. Свадьба в Ангарской деревне. Тексты свадебных песен. II. Образцы народной словесности: считалки, анекдоты, предания, пословицы, загадки, скороговорки. III. Приметы. Гадания. Заговоры. Суеверия. Местные слова].

236. **Подгорбунский, И. А.** Буддизм, его история и основные положения его учения. Тр., т. 4; стр. 1—243. Вып. 2. Основные положения учения буддизма.

1903

237. **Кон, Ф. Я.** Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. Изв., т. XXXIV, № 1; стр. 19-68. [Предварительные общие замечания о туземных народностях. Жилище. Одежда и наряды. Пища и питье. Семейный быт. Быт и занятия. Охота. Рыболовство. Скотоводство. Земледелие. Ремесло. Игры и развлечения. Музыка и пение. Административное управление. Подати и поборы. Сказка о молодом Хайтыкаре].

238. **Станиловский, А. М.** Легенды о шаманской пещере на острове Ольхоне. Изв., т. XXXIV, № 2; стр. 128—130. [Бурятское предание об Ольхонской пещере. Значение этой легенды для вопроса о происхождении и расселении ольхонских бурят].

239. **Сообщение Ф. Я. Кона** об исследовании сойотов. Изв., т. XXXIV. № 1; стр. 125—126. (Действия).

240. **Хангалов, М. Н.** Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Тр., т. V; стр. 1—277. [Сказочный эпос. Космогонические предания. Сказки о животных и насекомых. Предания о доле. О покойниках. О могилах. Сновидения. Клады. Злые духи. Детские игры. Примечания].

1904

241. **Бейлин, С. Х.** Сказка Геродота о кольце и популярность ее. (Изложение доклада). Изв., т. XXXV. № 1; стр. 11—12. (Отчет за 1901 г.).

242. **Программа** для собирания сведений о деревенском быте. Изв., XXXV, № 1; стр. 12—16. (Отчет за 1904 г.).

243. **Экспедиция Ф. Я Кона** в Урянхайскую землю и ее программа. Изв., XXXV, № 1; стр. 69—90. (Отчет за 1901 г.).

244. **Программа труда Ф. Я. Кона** о сойотах. Изв. XXXV, № 1; стр. 25—29. (Действия).

245. **Козьмин, Н. Н.** Исторический очерк деятельности В. С. О. Р. Г. О. Изв., т. XXXV, № 2; стр. 1—13.

246. **Овчинников, М. П.** Сордохай-богатырь. (Урянхай саха Олонхото).

Изв., т. XXXV, № 2; стр. 1—8. [Якутская сказка].

247. **Руднев, А. Д.** Повесть о том, как Ли-шун Сян-шен удалился от мира. Изв., т. XXXV, № 3; стр 77—86. [Перевод с рукописи].

248. **Загоскин, М. В.** (Некролог). Изв., т. XXXV, № 3; стр. 11—32. (Действия).

1905 249. **Красноженова, М.** Описание крестьянской свадьбы в деревне Лапиной. Изв., т. XXXVI, стр. 77—81. [Основные моменты свадебного обряда].

250. **Можаев, И. А.** Заметка о мунгалах. Изв., т. XXXIV; стр. 82—84. [Описание жизни и быта туземцев (или мунгалов), живущих в Балаг. уезде].

251. **Кириллов, Н. В.** Танец солнца у северо-американских инородцев. Изв., т. XXXIV; стр. 87—92.

252. **Кокоулин, К. К.** К происхождению названия Байкал. Изв., т. XXXVI; стр. 92.

1907 253. **Красноженова, М.** Из свадебных обычаев Енис. губ. Описание свадьбы в дер. Злобиной. Изв., т. XXXVIII; стр. 17—31. [Основные моменты свадебного обряда].

1908 254. **Красноженова, М.** Материалы по народной медицине Енис. губ. Изв., т. XXXIX; стр. 10—23. [Способы лечения различных болезней].

255. **Овчинников, М. П.** Материалы для изучения народного знахарства и отреченной литературы в Иркутской губернии. Изв., т. XXXIX; стр. 24—35. [Заговоры. 29 текстов]

256. **Виташевский, Н. А.** Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права. Изв., т. XXXIX; стр. 1—82 (в приложении). Гл. I. Землевладение и землепользование. Гл. II. Обязательственное право

257. **Корнилов, И.** Из якутских поверий. Изв., т. XXXIX; стр. 82—87. 1) Как становятся шаманами. 2) Обряд посвящения кузнеца и Кытай-Бахсы предок кузнецов.

1909 258. **Виташевский, Н. А.** Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права (предложение) Изв., т. XL; стр. 83—111 (в прилож.). Д) Виды обязательств. Гл. VI. Брак и родство. 1. Экзогамические основы брака.

1910 259. **Подгорбунский, И. А.** Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов. Изв., т. XLI; стр. 10—39.

260. **Затопляев, Н.** Некоторые из онгонов, почитаемых в аларском ведомстве. Изв., т. XLI; стр. 116—142.

261. **А. М. Станиловский.** Некролог. Отчеты за 1905, 1907, 1908, 1909 г.; стр. 3—7.

1911 262. **Красноженова, М.** Материалы по народной медицине Енисейской губ. Изв., т. XLII; стран. 65—81. [Болезни и их лечение. Народная ветеринария. Лечебные травы].

263. **Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка.** Изв., т. XLII; стр. 111—136. Загадки. По рукописям и сообщениям Н. М. Хангалова, Н. Оширова, Я. Чистохина и В. Флоренсова, редакция и перевод И. А. Подгорбунского].

1912 264. **Станиловский, А. М.** Байкал (из книги записей А. М. Станиловского). Тр., № 7; стр. 1—191. [Промыслы Прибайкальского населения; памятники устного творчества: пословицы, загадки, песни проголосные и свадебные и подблюдные; поверия; детский фольклор и детские игры. Материалы по местной речи. Словарь].

1914 265. **И. А. Подгорбунский.** (некролог). Изв., т. XLIII; стр. V.

266. **Д. А. Клеменц** (некролог). Изв., т. XLIII; стр. V.

267. **Серебренников, И. И.** Инородцы Восточной Сибири. Изв., т. XLIII; стр. 121—169. Буряты. Якуты. Тунгусы. Инородцы крайнего северо-востока в Сибири.

268. **Программа и краткое объяснение „Цам—Хорола“.** Изв., т. XLIII; стр. 170—178. Краткое объяснение масок и одежд, надеваемых ламам и прихожанами гусино-озерского дацана при производстве „Цам—Хорала“

269. **Ширяев, Ф. Г.** Доклад общему собранию членов Отдела (9 февраля 1911 г.). Изв., т. XLIII; стр. 179—189.

[Значение освобождения крестьян для развития изучений народного быта].

270. **Шишков, В.** Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волостей Киренского уезда, Иркутской губернии, расположенных по течению реки Нижней Тунгуски. в 1911 г. Изв., т. XLIII; стр. 67—120. Общие замечания о населении, состав его, экономическое положение; список певцов на р. Нижней Тунгуске; способ. исполнения песен и их записи. „Алеша Попович". (Начало былины). Начало былины—„Добрыня Никитинич". Историческая песня об Александре I. Историческая песня. Острожная песнь. Песни свадебные: Полюбовные. Шуточные. Солдатские].

1915 271. **Боржимский, Ф.** Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области. Изв., т. XLIV; стр. 1—39 [Происхождение названий областей. Местное бурят-монгольское население Солоны. Орочоны. Олоты или ойроты. Дауры. Китайцы. Русские. Занятия населения].

272. **Подгорбунский, И. А.** Сказания и песни бурят. Изв., XLIV; стр. 91—107. Почему буряты, когда гадают, смотрят на овечью лопатку. Почему сопли закрывают нос зайца. Почему журавль носит перепелку. Крик петуха О том, как кукушка вела себе гнездо. Двухглавый царский орел. [Христос и Богдо]. Песни. Плясовые песни. Песни Дрбэршэн'а.

272-а. **Боржимский, Ф.** Бадарчин. Изв., т. XLIV, стр. 225—238 [монгольский рассказ „О том, что значит исскренно верить"].

1916 273. **Мишарин Д. Н.** Свадебные песни, записанные в Верхоленском уезде Иркутской губернии. Изв., XLV т.; стр. 257—272. [Обряд и тексты песен].

274. **Ларин, Н. и Сизых, С.** Материалы к изучению народно-медицинских растений Ирк. губ. Изв., т. XLV; стр. 232 - 240. [Перечень растений (в количестве 107 №№), употребляющихся в народной медицине, с латинскими и русскими народными названиями их и указанием приемов их употребления].

275. **Адрианов, А. и Серебренников И.** Литературные труды Д. А. Клеменца (1884—1910 г.г.) Изв., т. XLV; стр. 273—313.

276. **Макаренко, А.** Д. А. Клеменц в этнограф. - отдел. Русского Музея Импер. Алекс. III. (1901—1909 гг.). Изв., т. XLV; стр. 316—356.

277. **Коллекции Д. А. Клеменца** в сибирских музеях. Изв., т. XLV; стр. 356 358.

278 **Козьмин, Н. Н.** Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Изв., т. XLV; стр. 35—65.

279. **Попов, И. И.** Дмитрий Александрович Клеменц. (биограф. очерк). Изв., т. XLV; стр. 65—78.

280. **Адрианов, А. В.** Памяти супругов Клеменц. Изв., т. XLV; стран. 103—125.

281. **Серебренников, И. И.** О деятельности Д А. Клеменца в В.С О.Р.Г.О Из ученой переписи Д. А. Клеменца. Изв., т. XLV; стр. 140 - 212.

282. **Ольденбург, С. Ф.** Экспедиция Д. Д. Клеменца в Турфан в 1898 г. Изв., т. XLV; стр. 219—232.

283. **Мэргэн, А.** Д. А. Клеменц и сибирские инородцы. Изв., т. XLV; стр. 241—257.

1922 234. **Алсаханов, Ц.** Предание о подчинении бурят русским (вариант, записанный от кудинского шамана). Этн. бюлл., № 1; стр. 4—6.

285. **Турунов, А. Н.** Буддийское влияние в народном орнаменте бурят. Этн. бюлл. № 1; стр. 6—8. [Влияние новой культуры, занесшейся монгольскими ламами в Забайкалье—на духовную и бытовую жизнь народностей].

286. **Д—в.** Обзор выставки изобразительных искусств монголо-бурят. Этн. бюлл., № 1; стр. 11—12. [Перечень экспонатов].

287. **Хороших, П. П.** Заметки по шаманству. Посвящение лошади и быка. Этн. бюл., № 1; стр. 13—14 [буряты].

1923 288 **Виноградов, Г. С.** Этнография и современность. Сиб. Жив. Стар.. вып. I; стр. 3—21. (Отражение общественной современности в народном творчестве; новые слова

частушки; легенды, о предсказании голода.

289. **Муратов, М. В.** Духоборцы Иркутской губ. Сиб. Жив. Стар, вып. I; стр. 22—58.

290 **Азадовский, М. К.** Легенда о Щапове. Сиб. Жив. Стар.; в., I; стр. 59—71. [Легендарные рассказы о Щапове его земляков на родине его, в с Анге].

291 **Титов, М.** Некоторые данные по культу медведя у нижне-ангарских тунгусов Киндигирского рода (Баргузинский округ сев.-зап. Забайкалья). Сиб. Жив. Стар.; вып. I; стр. 90—105. [Границы землепользования. Промысел медведя. Медвежьи имена. Добыча медведя в берлоге, пиршество и похороны медведя в медицине тунгусов и в обиходе хозяйственном. Библиография и программа для собирания сведений по культу медведя у тунгусских племен Сибири.]

292. **Попова, А. М.** Детские игры и забавы в сибирской деревне (село Распутино, Яндинской волости, Балаганского уезда, Иркутской губ.) Сиб. Жив. Стар., вып. I; стр. 106—120. [Описание 30 игр.; тексты детских песенок].

293. **Хороших П. П.** Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности. Сиб. Жив. Ст., вып. I; стр. 154—178.

294. **Турунов, А. Н.** „Мэдэн". (К вопросу о взаимоотношениях русского и монгольского пограничного населения). Этн. бюлл. № 2; стр. 1 - 4. [Мэдэн-дощечка с формулой договора дружественных отношений. Праздники—цайлаган—в честь прибывших]

295. **Титов, Е. И.** Изучение „культа медведя" у туземных племен Сибири. (Заметка по методологии вопроса). Этн. бюлл. № 2; стр. 4—5.

296. **Подгорбунский, В. И.** Записи собирателей. Обычай ставить аранга. Этн. бюлл. № 2; стр. 5—7. [Поверья и обряды при грозе].

297. **Хороших, П.** Научно-литературное наследство М. Н. Хангалова. (Библиографический обзор печатных трудов). Этн. бюлл., № 3; стр. 3—5.

298. **Баторов, П.** Народный календарь аларских бурят. Этн. былл., № 3; стр. 9—10.

299. **Ф. и В. [Флоренсов, В. Н. Виноградов, Г. С.].** Тюремная песнь. Эти. бюлл., № 3; стр. 13—14. [Тексты арестантской песни].

300. **Бурдуков, А.** Отмирающий быт. Эти. бюлл., № 3; стр. 15—16. [Монголы].

301. **Зеленкина, О.** Н. А. Костров. Этн. бюлл., № 4; стр. 1—7. [Краткий биографич. очерк. Список трудов Кострова].

302. **Бурдуков, А.** Перекати — поле. (Путевые заметки). Эти. бюлл., № 4; стр. 10—11. [Монгольские воззрения, связанные с „хошхуле" (перекати-поле)].

303. **Рождественский, П. И.** Штрихи из легенд о Федоре Кузьмиче. Эти. бюлл., № 4; стр. 11—14.

304. **Титов, Е. И.** Рецензия на работы: М. Азадовский „Ленские причитания" и Г. Виноградов. „Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири". Эти. Бюлл., № 4; стр. 17—18.

1924

305. **Болдырев-Казарин, Д. А.** Народное искусство в Сибири. (Из очерков по истории русского иссукства в Сибири). Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 1—20.

306. **Краснощенова, М. В.** Взятие „снежного города" в Енисейской губ. Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 21—37. [Масленичный обряд].

307. **Титов, Е. И.** Конские бега в восточном Забайкалье. Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 38—54.

308. **Виноградов, Г. С.** Детский народный календарь. (Из очерков по детской этнографии). Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 55 86. [Задачи детской этнографии и методы ее изучения. Основные вопросы. Сезонные детские игры и сезонный детский фольклор].

309. **Черных, П. Я.** Несколько сибирских диалектизмов в „Коньке Горбунке" П. П. Ершова. Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 87—98.

310. **Петри, Б. Э.** Элементы родовой связи у бурят. Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 98—126. [Родовые установления. Экономические взаимоотношения в

роде. Приложение. Предания о первых бурятах; о происхождении огня].

311. **Хороших, П. П.** Михаил Павлович Овинников, как краевед (1844 1921) Библиографический очерк). Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 135—146. [Краткий биографический очерк. Перечень трудов].

312. **Азадовский, М. К.** Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века. (Перечень статей в периодических изданиях 1891 1900 г. г.). Сиб. Жив. Ст., вып. II; стр. 191—222. [Библиографический указатель].

313. **Азадовский, М.** Сказки Верхнеленского края. Сиб. Жив. Ст. приложение и вып. II; стр. I--XLVIII+1--66. [Общий очерк Верхнеленского края. Занятия населения и условия бытования сказки. Основные черты сибирской сказки. Бродяжьи и поселенческие элементы в сказке. Сибирский колорит. Сказительница Н. О. Винокурова и ее художественное мастерство. Тексты сказок №№ 1—9].

314. **Азадовский, М.** Николай Бестужев—этнограф. (К столетию 14 декабря 1825 г.). Сиб. Жив. Ст., вып. III-IV; сур. 11—40. [Статья Н. Бестужева о „Гусином озере" и ее этнографическое значение].

315. **Бестужев, Николай.** Три бурятские сказки. (Приложение к ст. М. Азадовского см. № 314). Сиб. Жив. Ст., вып., III—IV; стр. 33—40 [тексты].

315-а **Хороших, П. П.** Якуты. Опыт указателя историко - этнологической литературы об якутской народности. Под ред. и с пред. Э. К. Пекарского. Изв., т. XLVIII, в. I; стр. 1—48.

1925

316. **Малаховский, Вс.** „Советское виноградье". Сиб. Жив. Ст., вып., III—IV; стр. 41—46 [Модернизированный текст колядки].

317. **Азадовский, М.** Четыре ленских колядки. (Приложение к статье В. А. Малаховского—„Советское виноградье" Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 47—52. [Тексты].

318. **Хандзинский, Н. М.** „Покойницный вой" по Ленине. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 53—64. [Причитание по Ленине, сложенное в январе 1924 г. в Иркут. губ.].

319. **Виноградов, Г. С.** Детская сатирическая лирика. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 65—106. [I. Заметки и наблюдения. II. Материалы. Рифмованные прозвища. Дразнилки. Издевки. Поддевки].

320. **Хромовских, И. С.** Из заметок собирателя. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 107 108. [Народные певцы].

321. **Попова, А.** Из области народной технологии. Сиб. Жив. Стр., в. III--IV; стр. 109—112 [о народном крашенье].

322 **Козьмин, Н. Н.** К вопросу о времени водворения бурят около Байкала. (Историко - этнографический очерк). Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 113—132.

323. **Баторов, П. и Подгорбунский, В.** Из бурятского фольклора. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 133—136. [Легенда о происхождении рода Харамонгол или Сайгут].

324. **Азадовский, М. К.** Сказки Верхнеленского края [продолжение]. Сиб. Жив. Ст. вып. III - IV; стр 67—142. (особая пагинация). [Продолжение текстов №№ 10—22. Послесловие. Областные слова].

325. **Пекарский, Эд. К.** Предание о том, откуда произошли якуты. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 137 - 144.

326. **Липская-Вальронд, Н. А.** Материалы к этнографии гольдов. Сиб. Жив Ст., вып. III—IV; стр. 145—160. [1. Беременность и роды; несколько слов о менструальном периоде 2. Беременность. 3. Роды и послеродовой период].

327. **Хороших, П. П.** Исследователи Якутии. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 167 180. Всеволод Михайлович Ионов (1825—1922). Приложение I. Из письма Вас. Ал. Ендржеевского к Э. К Пекарскому. Приложение. II. Научно - литературное наследство В. М. Ионова [библиография его трудов]. Статьи и заметки о В. М. Ионове.

328. **Майнов, И. И.** [Предисловие к ст. П. П. Хороших -см. № 327]. Сиб. Жив. Ст., вып. III IV; стр 167 —171.

329. **Этнологическая секция в 1925 г.** Сиб. Жив. Ст., вып. III - IV; стр. 185—202. I. Общий отчет о деятельности этнологической секции. Из отчета

Г. С. Виноградова о поездке в Енисейскую и Акмолинскую губернии. Краткий отчет Г. А. Леонова о поездке на р. Кондому летем 1924 г. Отчет Вс. А. Малаховского о диалектологической поездке в с. Посольское (оз. Байкал) в августе месяце 1924 г. Отчет Е. Я. Самойлович о летних наблюдениях среди крестьян дер. Марковой. и др. Смоленской волости. Ирк. губ. Предварительный отчет И. И. Веселова о летних полевых работах 1924 г.

330. Самойлович, Е. Я. Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 205—216.

331. Слободский, М. А. Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях 1901—1917 г.г. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 219—240.

332. В[иноградов] Г. Новая программа по музыкальной этнографии. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 388—390. [По поводу программы К. В. Квитка „Професіональні народні співці и музиканти на Україні. Программа для досліду їх діяльности й побуту"]

333. Виноградов, Г. С. Заметка об изучении народного ораторского искусства. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 391—400.

334. Хороших П. П. Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири. Сиб. Жив. Ст., вып. III—IV; стр. 401—414.

334-а. Тезисы докладов первого Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда Историко-этнологическая секция. **Г. С. Виноградов.** Русское население края и его изучение. **М. К. Азадовский.** Задачи изучения устного творчества в Сибири. **И. С. Хромовских.** О народной песне. **Г. С. Виноградов.** Детский фольклор. **В. А. Малаховский.** Народные говоры Сибири **П. Я. Черных.** Итоги и задачи изучения русского языка в Сибири. **Н. Н. Козьмин.** Об изучении туземных племен. **Цибиков.** Основные проблемы национально-культурного строительства Бурятии. **Б. Э. Петри.** Собирание преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами

Г. Ю. Маннс. Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях туземных народностей Сибири в области уголовного права и суда. Сиб. Жив. Ст. в. III—IV; стр. 306—324. То же Бюллет. № 6; стр. 66—84.

1926

335. Виноградов, Г. С. Народная педагогика. (Отрывки и наброски). Сиб. Жив. Ст., вып. I (V); стр. 1—28.

336. Попова, А. М. Песни партизан (Семейские селения Верхнеудинского уезда). Сиб. Жив. Ст., вып. I (V); стр. 28—37.

337. [Виноградов, Г. С.]. Из записей фольклориста. Музыканты в Тункинском крае. Сиб. Жив. Ст., вып. I (V); стр. 38—40.

338. Хандзинский, Н. М. Блатная поэзия. Сиб. Жив. Ст., вып. I (V); стр. 41—83. [Лирика блатных. Записи на стенах в камере смертников. Словарь блатного жаргона].

339. Черных, П. Я. К вопросу о диалектологическом атласе Сибири. Сиб. Жив. Ст., в. I (V); стр. 97—112.

340. Пруссак, А. В. Из сибирских сказаний о декабристах. Сиб. Ж. Ст., вып. I (V); стр. 84. [Легенда о причинах ссылки декабристов в Сибирь].

341 Хороших, П. П. Бирки иркутских бурят. Сиб. Ж. Ст., вып. I (V); стр. 98—112. [Происхождение бирок. Классификация бурятских бирок. Таблицы]

342. Попов. Н. П. Пища тунгусов. Сиб. Ж. Ст., вып. I (V); стр. 113—144.

343. Орлова. Е. Н. Юрацкие игрушки. (Краткое описание. Сиб. Ж. Ст., вып. I (V); стр. 145—152. [Описание кукол с приложением рисунков. Игрушки юрацких мальчиков].

344. Соколова, А. Н. Материалы для изучения партизанской поэзии (песни и причитания). Сиб. Ж. Ст., вып. I (V); стр. 159—162.

344-а. (Этнологическая секция в 1925—26 гг.) Сиб. Ж. Ст., вып. I (V); стр. 166—183. I. Отчет о деятельности этнологической секции. II Отчеты о поездке: Г. С. Виноградов—о работе в Тункинском крае; М. К. Азадовский—о летних работах в Тункинском крае; С. Ф. Гущина—о поездке в Забайкалье; А. М. Моло-

вцева — о поездке в Тулуновский район; В. А. Малаховский—о диалектологической поездке в Баргузинский район; Е. Я. Самойлович—о летних наблюдениях среди крестьян дер. Марковой и др. Н. М. Хандзинский—о поездке в с. Кимильтей.

345. **Казаринов, П. К.** О библиографии бурят-монголов и их края. Бур. сб., вып. I: стр. 3—21. [Обзор библиографических работ о Бурятии и Монголии].

346. **Баторов, П. П.** Материалы по ораторскому творчеству бурят. Бур. сб., сып. I; стр. 25—29. [Поверья о душе обряд возвращения души в тело человека, текст призывания души].

347. **Баторов, П. П.** Материалы по народной медицине Аларских бурят. Бур. сб., вып. I; стр. 33—41. [Словарь народной медицины бурят].

348. **Хороших, П. П.** Материалы о народной тибетской медицине бурят-монголов. (На русском языке). Бур. сб., вып. I; стр. 42—46. [Предисловие. Указатель литературы. Программы и инструкци].

349. **Баторов, П. П. и Хороших, П. П.** Приметы Аларских бурят, касающихся погоды, сельского хозяйства и охоты. Бур. сб., вып. I; стр. 46—51.

350. **Хороших, П. П.** Музыкальные инструменты, театр и развлечения бурято-монголов. Бур. сб., вып. I; стр. 52—68. Опыт программы для собирания сведений о музыкальных инструментах и театре бурят-монгол.

351. **Мырдыгеев, Р. С.** Песни Аларских бурят. Бур. сб., вып. I; стр. 66—71. I. Тоска по родине. II. Революционные песни, возникшие сразу по свержении колчаковщины в 1920 г. [Песни на бур. яз. и в рус. переводе].

352. **Бадмаев, А. И.** В. И. Ленин в бурятской песне. Бур. сб., вып. I; стр. 72—75. [На бурятском языке и в переводе].

353. **Балдуннинов, А.** Предание о Чингис-Хане Бур. сб., вып. I; стр. 76.

354. **Попова, А.** Предание о первой встрече бурят с семейскими в Забайкалье. Бур. сб., вып. I; стр. 77.

355. **Вагинов, Б.** Интернационал (на языке забайкальских бурят). Бур. сб., вып. I; стр. 83.

355-а. **Боржонова, А.** О взаимоотношении бурят и русских. Бур. сб., вып. II; стр. 25—33 [материалы по языку].

356. **Балдунников, А.** К вопросу о тарасунокурении и шаманстве среди бурят. Бур. сб., вып. II; стр 43—45. [Корни зарождения тарасунокурения; применение тарасуна в шаманских обрядностях и в обычаях гостеприимства].

357. **Азадовский, М. К.** Областные слова Селенгинского округа в записи декабриста Н. А. Бестужева. Бур. сб., вып. II; стр. 46—49.

358. **Баторов, П. П. и Хороших. П. П.** Материалы по народному скотолечению Иркутских бурят. Бур. сб., вып. II; стр. 50—60. [Предисловие. Перечень болезней скота и способы их лечения. Тексты слов при обращении к онгону и при кормлении его—на бур. и русс. языках].

359. **Ванчиков, В.** Обработка шерсти в Агинском аймаке. Бур. сб., вып. II; стр. 61—62. [Выработка войлока для покрышки юрт и вязание чулков из бараньей шарсти].

360 **Елбоев Епшей.** Родословная одной бурятской семьи. Бур. сб, вып. II; стр. 63—67. От редакции. [Родословная в графиках]. Пояснения к родословной. [В них—два предания: о Бузачан—харе и о Тулаке].

361. **Мырдыгеев, Р. С.** Предание об Ашха—Баторе и происхождении кости (яһан) Табжин. Бур. сб., вып. II; стр. 68—69.

362. **Шарыпов, С. В.** Алтансара (предание о золотой чаше). Бур. сб., вып. II; стр. 70—71.

363. **Улаханов, Ч. А.** Песни унгинских бурят Аларского аймака. Бур. сб., вып. II; стр. 72—73. I. Песня молодежи в честь создания Бурят—Монгольской республики. II. Песня бурят, во время мобилизации в ряды Красной армии. [На бур. яз. и в русс. переводе].

364. **Барбаева, Л.** Дедушкины сказки. Сказка о жирном Замае и глупом Мангатхае. Буб. сб., вып. II; стр. 74—75.

365. **Убоннев, М.** Легенда о похищении ласточкой огня. Бур. сб.. вып. II; стр. 75.

365-а Виноградов, Г. С. Замечания о говорах Тункинского края. Бур. сб., вып. II. Приложение; стр. 1—21.

366. Шостакович, Б. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири (с картой). Изв., XLIX. (Очерки по землед. и эконом. в Вост.-Сиб.); стр. 115–131.

367. Попов, А. В. К вопросу о хорографии и палеэмкологии Ирк. губ Изв., XLIX. (Очер. по землев.. и эконом. Вост.-Сиб.); стр. 131–141.

Отдельные издания.

Вост. Сиб. Отдела РГО.

1859. Маак, Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела в 1855 г. Сиб. 1859. 4°. VIII+320+212+XIX стр. [С отд. собр. рисунков, карт и планов].

1871. Маак, Р. Путешествие по долине реки Уссури, т. I—II. Спб. 1861. 4° VIII+204+22; XXIV+344+12 табл. с рис.+карта Уссур. края.

1877. Маак, Р. Вилюйский округ Якутской области. Ч. I. Ирк. 1877. 4° VII+282 стр.

1880. Потанин, Г. Н. Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве. Ирк. 1880. 8°. 5 стр.

1883. Программа для собирания этнографических предметов для Музея Вост. Сиб. Отд. Ирк. 1883. 8°. 4 стр.

1884. Агапитов, Н. Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири (так называемого шаманства). Ирк. 1886. 8°. 4 стр.

1886. Подгорбунский, И. и Потанин, Г. Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам. Ирк. 1888. 12°. 76 стр.

1896. Молодых, И. А. и Кулаков, П. Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губ. Под ред. П. П. Семенова. Спб. 1896.

1897. Обручев, В. А. Программа издания трудов Якутской экспедиции. Ирк. 1897. 8°. 48 стр.

1898. Труды Якутской экспедиции снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. II, т. III, ч. 2, вып. I. **С. В. Ястремский.** Падежные суффикса в якутском языке (этюд). Ирк. 1898. 8°. 50 стр.

То же, отд. III, т. X, ч. 3. **В. И. Иохельсон.** Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. С 37 рис. Спб. 1898, 8°. 167 стр.

1900. То же, т. III, ч. 2, в. 2. **С. В. Ястремский.** Грамматика якутского языка. Ирк. 1900. 8°. 907 стр.

1901. Козьмин, Н. Н. Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь, деятельность. Речь, сказанная на общем собрании членов Отдела, посвященная памяти А. П. Щапова, 4 марта 1901 г. Ирк. 1901. 8°. 65 стр.

1905. Пекарский, Э. К. Краткий русско-якутский словарь. Изд. на средства Якут. Обл. Стат. Комит. Якутск, 1905. 146 стр.

1908. Подгорбунский, И. А. Каталог буддийской коллекции Восточно-Сибирского Отдела Рус. Геогр. О-ва. Отд. XVII. Ирк. 1908, стр. 83.

1923. Подгорбунский, В. И. Опыт программы для изучения охоты у тунгусов и якутов. Издано на средства Сибдальгосторга. Ирк. 1923. 16°. 8 стр.

Виноградов Георгий. К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. Ирк. 1923. 16°. 56 стр.

1924. Азадовский, Марк. Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного творчества. Ирк. 1924. 16°. 86 стр. [Серия „Библиотека собирателя“ № 1].

Библиотека собирателя № 2. Г. Виноградов и П. Черных. О собирании материала для словаря русского старожилого населения Сибири. Опыт программы. Ирк. 1924. 16°. 32 стр.

1925. То же. № 3. Георгий Виноградов. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Ирк. 1924. 16°. 84 стр.

То же. № 4. Вс. Малаховский. Об изучении русских говоров Сибири. Опыт инструкции. С приложением очерка **П. Я. Черных.** Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири. Ирк. 1925. 16°. 48 стр.

Азадовский, Марк. Сказки Верхнеленского края, вып. I. Ирк. 1925. 8°. XLVIII+144 стр.

Алфавитный указатель авторов.

А.

Агапитов, Н. Н. 117. 122.
Адрианов, А. В. 275, 280.
Азадовский, М. К. 290. 304, 312, 313. 314, 317, 324, 334-а, 344-а. 357.
Алсаханов, Ц. 284.
Апакидзе. 59.
Аргентов, А. 8, 11.
Арефьев, В. С. 232, 236.
Астырев. Н. М. 146.
Африканов, А. 160.

Б.

Бадмаев, А. И. 352.
Бакшевич, Н. 1.
Балдунников, А. 353, 356.
Барбаева, Л. 364.
Баторов. П. П 164, 298, 323, 346, 347, 349, 358.
Бейлин, С. Х. 241.
Березовский, 137.
Бестужев. Н. 315, 357.
Бобырь, Н. П. 141.
Богораз. В. 211, 224, 226.
Болдырев-Казарин, Д. А. 305.
Большев, Л. А. 106.
Боржимский, Ф. 271.
Боржонова, А. 355-а.
Брылкин. А. 26. 30.
Бурдуков, А. 300, 302.
Бутины. бр. 65.

В.

Вагин. В. 114. 137, 355. 359.
Вамбощерепов, И. 154.
Веселов, И. И. 329.
Виноградов, Г. С. 288, 299, 304. 308, 329, 332, 333, 334-а, 335. 337. 344-а. 365-а.
Виташевский, Н А. 156, 164, 211. 213, 256, 258.

Г.

Гаупт, В. 15. 31.
Геккер. Н. Л. 196, 208, 210, 211.
Горохов, Н. 116, 118, 120, 121, 127.
Гребницкий. Н. А. 108, 110.
Гущина, С. Ф. 344-а.

Д.

Давыдов. 10.
Добротворский, Н. М. 74.
Дубенский, М. М. 180.
Дуброва, Я. П. 123, 124, 126, 128.
Д—в. 286.

Е.

Елбаев, Е. 360.
Елизов, Ф. В. 89.
Ендржеевский, В. А. 327.
Ефремов, В. С. 197.

З.

Загоскин. М. В. 248.
Затопляев, Н И. 152, 164, 260.
Зеленикина, О. Н. 301.

И.

Ионов. В. М 222, 327.
Иохельсон, Б. И. 211, 220, 224.

К.

Казаринов, П. К. 345.
Калачов, Н. В. 70.
Кауфман, А. 227.
Кириллов, Н. В. 131, 135, 174. 251.
Клара, П. 21, 28.
Клеменц, Д. А. 140, 147, 158, 164, 167, 169. 275, 276. 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283.
Ковалик, С. Ф. 188, 212. 216,
Козлов, Н. Е. 144.
Козьмин, Н. Н. 245, 278, 322, 334-а.
Кокоулин, К. К. 252.
Кон, Ф. Я. 193, 211, 237, 239, 243, 244.
Копылов, В. 134.
Корнилов, И. 267.
Костров, Н. А. 5, 6, 12, 13, 17, 18, 22, 23, 24. 33, 43, 301.
Крапоткин, П. 39, 46, 48
Красноженова, М. В. 249, 253, 254, 262, 306.
Кривошапкин, М. 20.
Кроль, М. А. 183, 186, 195, 203, 206.
Кузнецова, А. 170, 227.
Кулаков. П. Е. 194, 227.
Кытманов, А. И. 185, 190.

Л.

Ларин, И. 274
Левентель, Л. Г. 211, 224.
Левин, Н. П. 181, 209, 228.
Леонов, Г. А. 329.
Ливалин В. В. 224.
Липская-Вальронд, Н. А. 326.
Личков, А. 148.
Лопатин. И. 49.

М.

Майдель, 57, 66.
Майнов. И. И. 210, 211, 224. 225. 328.
Микаренко. А. 276.
Маковецкий. Н. Е. 204.
Малаховский. В. А. 316, 329, 334-а, 344-а.
Малевич, 32.
Маннс, Г. Ю. 334-а.
Миллер, Ф. 109.
Михаэлис Е. Де-Геннинг
Мишарин, Д. Н. 273.
Можаев, И. А. 250.
Моловцева, А. М. 344-а.
Молодых. И. А. 153.
Мордвинов, 25.
Муратов, М. В. 289.
Мырдыгеев, Р. С. 351, 361.
Мэргэн, А 283.

Н.

Назаров, А. Ю. 119.
Нейман, К. К. 61, 68, 75, 77, 78, 102, 103, 107.
Никифоров, В. В. 224.
Николаев. В. А. 217.

О.

Обручев, В. А. 200.
Овчинников, М. П. 246, 255, 311.
Ольденбург, С. Ф. 282.
Орлова, Е. Н. 343.
Оширов, Н. 263.

П.

Павлинов, Д. 92.
Павловский, А. 19, 60, 84, 86.
Павлуцкий. 47.
Палладий, 52.
Пейзын, Г. 16.
Пекарский, 211, 224, 325, 327.
Пермякин. 4.
Першин, Д. П. 201. 214.
Петри, Б. Э. 310, 334-а.
Писарев, М. Я. 115, 143.
Подгорбунский, И. А. 157, 166, 168, 176, 191, 234, 236, 259, 263, 265, 272. 296.
Подгорбунский, В. И. 323.
Поляков. И. С. 55.
Попова, А. М. 292, 321, 336, 354.
Попов, А. В. 133. 367.
Попов, И. И. 182, 215. 279.
Попов, Н. 98, 99, 100, 104, 105,
Попов, Н. П. 342.
Потанина. А. В. 155.
Потанин, Г. Н. 159, 172, 173, 175, 179.
Пржевальский, Н. М. 53, 54, 56.
Прейн, Я. 219.
Приклонский, В. Л. 132, 134, 136.
Припузов, Н. П. 125. 164.
Птицын, В. В. 132.
Прусак, А. В. 320.

Р.

Рождественский, П. И. 303.
Розенбаум, С. П. 232.
Ровинский, П. А. 62, 63, 64, 67, 71, 72, 73, 76, 79, 82, 83, 87, 88.
Руднев, А. Д. 231. 247.

С.

Самойлович, Е. Я. 329, 330, 344-а.
Свербеев, Н. 7, 14.

Ольский, И. 3, 50.
Серебренников, И. И. 267, 275, 281.
Серошевский, В. Л. 178, 199.
Сизых, С. 274.
Скороговоров, И. 41.
Слободский, М. А. 331.
Соколова, А. Н. 344.
Станиловский, А. М. 238, 261, 264.
Снефанович, Я. В. 207, 230.
Стуков, К. 35, 36, 40.
Суворов, И. 221, 229.

Т.

Талызин, Н. 184.
Талько-Грынцевич, Ю. 186.
Титов, Е. И. 295, 304, 307.
Титов, М. 291.
Турунов, А. Н. 285, 294.

У.

Убониев, М. 365.
Улаханов, Г. А. 363.
Усольцев, А. Ф. 90.
Умаров, 29.

Ф.

Флоренсев, В. Н. 263, 299.

Х.

Хангалов. М. Н. 117, 139, 152, 163, 164, 240, 263, 297.
Хандзинский, Н. М. 318, 338, 344-а.
Хилковский, Н. 44.
Хитров, Н. 2.
Хороших, П. П. 287, 293, 297, 311, 327, 328, 334, 341, 348, 349, 350, 358.
Хромовских, И. С. 320.
Худяков, И. А. 162.

Ц.

Цибиков, 334-а.

Ч.

Черных, П. Я. 309, 334-а.
Черский, И. Д. 129.
Чистохин, Я. 187, 192, 198, 263.
Чудовский, В. 42.

Ш.

Шарыпов, 362.
Шиманьский, А. 130.
Ширяев, Ф. Г. 269.
Шишков, В. 270.
Шишмарев, Я. П. 27, 69.
Шиловский, И. 171.
Шлегель, Г. 177.
Шостакович, Б. 366.

Щ.

Щапов, А. П. 80, 81, 85, 91 93, 94, 95, 96, 97, 290.

Ю.

Юнгебенд, 145.

Я.

Ядринцев, Н. М. 150.
Языков, А. 221.
Ястремский, С. В. 210, 211, 212, 224, 216.

Э.

Этагоров, И. М. 233.

Указатель племен.

А

Айны, 26, 58, 74, 115.
Алеуты, 103.

Б

Бельтйры, 13.
Бираты—115.
Бирюсы, 24.
Буряты, 35, 38, 40, 42, 48, 50, 55, 71, 93, 95, 101, 111, 112, 113, 117, 123, 124, 131, 134, 139, 143, 161, 163, 164, 166, 167, 183, 189, 192, 194, 195, 198, 203, 206, 227, 231, 233, 236, 240, 259, 260, 263, 267, 268, 271, 272, 274, 285, 287, 296, 297, 298, 310, 315, 322, 323, 341, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 363,

Г

Гиляки, 4, 106, 115.
Гольды, 4, 64, 115, 326.

Д

Дархаты — урянхи, 69, 124, 184, 223 (урянхи—донва).
Дауры, 39, 115, 115, 271.

Е

Евреи, 42.

К

Карагассы, 42, 48, 204.
Кергес, 124.
Кизыльцы, 43, 169,
Килы, 115.
Китайцы, 44, 54, 108, 110, 119, 126, 128, 177, 271.
Койбалы, 22.
Корейцы, 54, 108 (каули).
Коряки, 70.

Л

Ламуты, 171, 224.

М

Мангунцы, 4.
Манегры, 7, 115,
Маньчжуры, 115, 119.
Монголы, 10, 15, 27, 35, 40, 51, 59, 98, 99, 100, 104, 124, 126, 128, 171, 173, 174, 175, 176, 179, 187, 191, 234, 250, 269, 271, 294, 300, 302.

Н

Негда, 115.
Немцы, 42.

О

Олоры или ойроты, 271.
Ольтша, 115.
Орокэсы, 26.
Орочены, 7, 39, 49, 106, 115, 271,
Орочи, 54, 115.
Остяки, 12, 20.

П

Поляки, 42.

Р

Русские, 1, 5, 16, 17, 18, 23, 29, 31, 41, 42, 48, 50, 55, 62, 63, 67, 71, 72, 78, 80, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 94, 97, 114, 123, 129, 135, 137, 140, 144, 162, 180, 219, 221, 229, 232, 235, 249, 253, 254, 255, 262, 264, 270, 271, 273, 274, 288, 289, 290, 292, 299, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 313, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 324, 330, 334-а, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 344, 344-а 357.

С

Сагданы, 124.
Самогиры, 4, 115.
Самоядь, 20.
Сойоты, 237, 239, 243, 244.
Солоны, 39, 115, 271.

Т

Тазы, 54, 106.
Татары, 32, 43, 170.
Тлиноэры, 109.
Торгоуты, 187.
Тунгусы, 4, 9, 12, 19, 20, 21, 42, 55, 70, 71, 100, 109, 131, 138, 224, 225, 267, 291, 342.

Х

Ходзэны, 30.

Ч

Чукчи, 8, 11, 14, 52, 57, 61, 66, 68, 75, 77, 78, 102, 103, 224, 226.
Чудь, 47.

Ю

Юкагиры, 220, 224.
Юраки, 6, 12, 185, 190, 343.

Я

Якуты, 2, 3, 8, 11, 19, 20, 28, 42, 60, 84, 86, 116, 118, 121, 125, 127, 130, 132, 133, 134, 136, 162, 164, 171, 178, 188, 196, 197, 199, 202, 205, 208, 210, 211, 212, 216, 218, 220, 222, 224, 230, 246, 256, 257, 258, 267, 325, 327.
Японцы, 26, 58.